

МОНОГРАММА

УИЛЬЯМ ДОДДА

*Дневник
посла Додда*

Г Р И Ф О Н

М

Уильям Додд
Дневник посла Додда
Серия «Монограмма»

PDF предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12109129

*Уильям Додд. Дневник посла Додда. 1933-1938: Грифон М; Москва;
2005*

ISBN 5-98862-015-9

Аннотация

Книга посвящена истории дипломатии в период между двумя мировыми войнами. Уильям Додд (Dodd, 1869–1940), был послом США в Третьем рейхе в 1933–1937 гг. Среди его основных работ: «Жизнь Натаниэля Макона» (1905), «Жизнь Джефферсона Дэвиса» (1907), «Государственные мужи Старого Юга» (1911), «Хлопковое королевство» (1919), «Борьба за демократию» (1937). Президент США Франклин Рузвельт назначил Додда американским послом в Берлине в первые годы установления в Германии гитлеровского режима. Остроумные и глубокие мемуары У. Додда, политика и ученого-историка, представляют значительный интерес для мыслящих и любознательных читателей всех возрастов.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	9
Дневник посла Додда	55
I	55
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Уильям Додд

Дневник посла

Додда. 1933–1938

© Грифон М, 2005

© Перевод, Г. Е. Сулимова, 2005

© В. Голубев, 2005

Введение Марты Додд.

Текст подготовлен к печати У. Э. Доддом-младшим и
М. Додд.

Оформление художника В. Голубева.

* * *

Уникальная книга «Дневник посла Додда» занимает особое место в обширной мемуаристике о прошедшем столетии. Уильям Эдвард Додд (1869–1940), американский историк, по воле судьбы и президента Рузвельта в 1933 г. занял пост посла США в Германии.

Он попал в самый эпицентр трагических событий в Европе, где уже назревала Вторая мировая война.

Человек трезвого ума, истинный либерал, Додд день за днем фиксировал в своем дневнике жизнь верхушки нацистской Германии. Додд публично выражал свои резкие суждения о фашистском режиме, сознавая при этом, что повлиять на ход событий он не в силах.

Неугодный ни правительству Гитлера, ни весьма влиятельным кругам в США, Додд в конце 1937 г. оставил свой пост, но вплоть до ухода из жизни в 1940 г. продолжал бороться с нацизмом.

Предисловие к русскому изданию

Уильям Эдвард Додд был очень скромным и неамбициозным человеком, но волею судеб его дипломатическая карьера вынудила его окунуться в кипящий котел истории в самые напряженные моменты истории XX века. Сегодня мало кто может представить, какое страшное напряжение необходимо было выдерживать американскому дипломату в Германии 1930-х годов, когда нацистский режим укреплялся, а распоясавшиеся нацисты творили бесчинства и насилие. Посол Додд готовил свою докторскую диссертацию в Германии в начале XX века, но тогда страна была совершенно иной, чем Германия во власти гитлеровского режима. Уже в первые месяцы после прибытия в Германию в 1933 году, Додд отмечал факты оскорблений и посягательств по отношению к американским гражданам, которые отказывались воспроизводить характерный нацистский жест приветствия. Ему пришлось также столкнуться с внезапно введенным Германией мораторием на выплаты американским банкам по кредитам. А что было еще более ужасным – это отмеченный Доддом рост антисемитизма в стране.

Из истории нам известно, что посол Додд был по своему характеру осторожным и вдумчивым, но в то же время он показал себя смелым и негибким борцом, человеком принципа. Вероятно, он вдохновлялся идеалами Джеффер-

сона и Вильсона. Посол Додд, не колеблясь, осуждал нацистский режим, открыто и смело выступал против нарушения прав человека в Германии. Из-за этого он испытывал на себе плохо сдерживаемую враждебность со стороны Гитлера и его подручных, что является по своему наилучшей характеристикой посла Додда как человека и как дипломата, который представлял интересы Америки в обстоятельствах тяжелых испытаний.

Я был очень тронут, что Издательство Грифон М приняло решение опубликовать на русском языке биографическую книгу Уильяма Эдварда Додда. Мысли и темы, которые можно найти в записках посла Додда, и сегодня остаются в высшей степени актуальными.

Александр Вершбоу, посол Соединенных Штатов Америки в России

Введение

Когда вашингтонской дипломатической миссии в Германии понадобился новый глава, чтобы представлять Соединенные Штаты в Берлине, то выбор Франклина Рузвельта пал на Уильяма Эдварда Додда, который и стал послом. В начале лета 1933 года Додд прибыл в Берлин. Не имея никакого дипломатического опыта, Додд, тем не менее, надеялся воплотить на практике идеалы Вудро Вильсона и не без оптимизма смотрел на установление более тесных отношений с недавно пришедшим к власти нацистским режимом. Перед отъездом в Берлин он с пафосом говорил, что «вряд ли Германия не понимает всей важности дружеского сотрудничества со 120-миллионным населением Соединенных Штатов, как и сами Соединенные Штаты не могут не осознавать всей важности экономического и социального сотрудничества со страной Лютера, Штейна и Бисмарка».

Приехав в столицу Германии, Додд был приятно удивлен теплым приемом, оказанным ему тогдашним президентом Паулем фон Гинденбургом. Они обменялись приветственными речами, призывавшими к сотрудничеству и дружбе между двумя странами. Однако вскоре Додда неприятно поразила жестокость нацистского режима. Так, в течение первых шести месяцев его пребывания в Берлине официально было отмечено более двадцати случаев физического оскорб-

ления нацистами граждан США, которые отказывались отвечать на нацистское приветствие. Эти факты, а также замораживание Германией выплат своего долга развеяли иллюзии бывшего профессора истории Чикагского университета. Он стал выступать против государственной и экономической политики Берлина, а также против нападок немецкой прессы на мэра Нью-Йорка Лагардиа, на американских женщин и Соединенные Штаты в целом. Однако его протест значил немного.

Получив на рубеже веков докторскую степень в Лейпциге, Уильям Додд хорошо знал совсем иную Германию, не такую мрачную и зловещую, как теперь. Додд родился в семье землевладельцев и священнослужителей в октябре 1869 года в г. Клейтон, Северная Каролина. В 1901 году он женится на Марте Джонс из Уэйк-Каунти, Северная Каролина. После окончания Виргинского политехнического института Додд покидает Юг для того, чтобы занять должность преподавателя в колледже Рэндольф-Макон. С 1908 году он преподает на факультете в Чикагском университете. Ученый по своему складу, Уильям Додд был президентом Американской исторической ассоциации, членом других исторических и академических обществ. Он составил жизнеописания Джефферсона Дэвиса, Линкольна и Ли, а также Вудро Вильсона. Посланник динамично развивающейся нации к одной из самых могущественных наций мира, Додд, казалось, больше уделял внимания прошлому, чем настоящему.

Нацистский режим не только отравлял жизнь Додда, но и вносил напряженность в его отношения с Вашингтоном. После четырех лет бесплодных усилий он подал в отставку с поста посла. Додд столь открыто критиковал режим нацистов, что Гитлер даже не назначил ему прощальной аудиенции, министр иностранных дел Германии не включил его в число приглашенных на обед дипломатов, уезжавших из страны, а немецкие газеты не сообщили о его отъезде. В своем заявлении по прибытии в Америку Додд признавался, что, представляя Соединенные Штаты в Берлине, он столкнулся, в сущности, с невыполнимой задачей. Он спрашивал: «Что может сделать какой-нибудь представитель Соединенных Штатов в огромной стране, где люди лишены свободы религии, где преследуется свобода мысли и творчества и непрерывно культивируется расовая ненависть?»¹

Додду, глубоко переживавшему свою неудачу, пришлось покинуть нацистскую Германию, но сама Германия его не оставила, наложив мрачную тень на весь остаток его жизни. Вернувшись в Соединенные Штаты после своей отставки, которая произошла в декабре 1937 года, Уильям Додд некоторое время читал лекции на восточном побережье США и в Канаде, делясь своими впечатлениями от гитлеровской Германии. Затем он попытался возобновить изучение истории Южных штатов, однако болезнь не позволила ему завер-

¹ Здесь и далее при цитировании используется перевод, помещенный в настоящем издании. – *Прим. ред.*

шить задуманное. К тому же в мае 1938 года умирает его жена Марта (ее называли Мэтти), а в декабре того же года он сбивает машиной ребенка из афроамериканской семьи. Жертва собственной растерянности, Додд в полном смятении скрылся с места происшествия, за что впоследствии был обвинен. И хотя во время суда Додд заявил, что оплатил счета по лечению ребенка в сумме, превышающей тысячу долларов, на него был наложен штраф в размере 250 долларов плюс возмещение судебных издержек. Уставший от жизни и разочарований, бывший историк и посол Уильям Додд умер от пневмонии на своей ферме в Раунд-Хилл, штат Виргиния, в феврале 1940 года.

Первые впечатления

Приступив весной 1933 года к формированию своей администрации, Франклин Рузвельт назначил на должность посла в Германии, вопреки представлениям финансовых магнатов и профессиональных дипломатов, рассудительного академического ученого Уильяма Э. Додда, приняв во внимание его обширные познания в немецкой истории и культуре, а также свободное владение немецким языком. Представители американских состоятельных династий на этом посту группировались бы между собой, образуя влиятельные партии, а профессиональные дипломаты еще ревностнее стояли бы на страже интересов банкиров с Уолл-стрит, озабоченных

угрозой Германии отказаться выплачивать долги по американским займам; но ни те, ни другие не знали Германию так же хорошо, как ее знал Додд. Почитатель и последователь Томаса Джефферсона и Вудро Вильсона, Додд вместе с верительными грамотами привез с собой прогрессивные либеральные идеи. Чуждый антисемитских настроений, столь обычных для того времени (отсутствие заведомой предубежденности снискало ему расположение в кругу еврейских общин как в Соединенных Штатах, так и в Германии), он сочетал в себе два примечательных качества – порядочность и дружелюбие.

Приверженец баптизма, Додд вдумчиво и серьезно отнесся к своему назначению на должность посла. Задача, нелегкая при любых условиях, осложнялась тем, что в его лице либеральная демократия Соединенных Штатов должна была противостоять тоталитарному режиму гитлеровской Германии. Настороженно относясь к предложенной ему и его семье роскошной каюте на пароходе «Вашингтон» и к не менее роскошному номеру в гостинице «Эспланада» по прибытии в Берлин, Додд выработал определенный стиль поведения, который он считал наиболее подходящим для своей дипломатической деятельности. Незнакомый с традициями и не желающий считаться с тем, что, по его мнению, было пустой формальностью, новый посол США, тем не менее, стоял на страже даже самых незначительных интересов своей страны и ее граждан в Германии, делая все, что было в его силах. Бу-

дучи человеком довольно простодушным и к тому же незнакомым с настоящим положением дел в Германии, Додд сфотографировался в порту Нью-Йорка, вскинув руку в жесте, очень напоминавшем нацистское приветствие. Это, конечно, было заметно на общем фоне провожавших его официальных лиц, и поэтому он вскоре стал объектом насмешек как среди немцев, так и среди своих соотечественников в Берлине и Вашингтоне. Несмотря на неискренность в дипломатии и в текущей политической жизни, он быстро и досконально разобрался в своих многочисленных обязанностях на новом месте.

Вскоре после приезда в Германию Додд провел несколько встреч с американцами, проживавшими в Берлине, в основном с журналистами и бизнесменами, а также с влиятельными лицами самой Германии. Так, во время своей первой пресс-конференции с участием американских журналистов он обменялся рукопожатием с Эдгаром Маурером, при этом Додд выразил сожаление, что нацистское правительство потребовало отставки Маурера с должности президента Ассоциации иностранных журналистов в Берлине из-за его книги «Германия отводит назад стрелки истории». В течение нескольких последующих дней с американским послом встретились такие хорошо известные журналисты, как Зигрид Шульц из «Чикаго трибюн», Фредерик Эхснер из Юнайтед Пресс и Луи Лохнер из Ассошиэйтед Пресс, а также немецкий посол в Соединенных Штатах Ганс Лю-

тер. Лютер, который вскоре опять вернулся в Вашингтон, заинтересовал Додда своим тщательно разработанным планом переселения безработных немцев на восточные равнины Африки или на необитаемые плоскогорья Бразилии. Лютер также высказывался за введение свободных тарифов между Германией и Соединенными Штатами в качестве средства, способствующего промышленному процветанию. Причем во время их беседы Лютер ни словом не обмолвился по поводу возможной немецкой агрессии против Франции или стремления Германии присоединить «Польский коридор».

Во время своей первой пресс-конференции, на которой присутствовало более двадцати немецких журналистов, Додд по-немецки прочитал краткое заявление, в котором говорилось о недавно предложенном президентом Рузвельтом «Законе о восстановлении промышленности», во многом совпадавшем с предложениями министра экономики Курта Шмитта по восстановлению экономики Германии. Немецкие журналисты были настолько поражены тем, что посол Соединенных Штатов говорит по-немецки, что, видимо, поэтому, на следующий день его выступление было опубликовано во всех главных немецких газетах. Немного позже репортеры задали Додду вопрос по поводу его заявления, которое было напечатано в «Израэлититшес фамилиенблатт» – еврейской газете, выходившей в Гамбурге, – в котором говорилось, что Додд приехал в Германию для того, чтобы исправить ряд несправедливостей, причиненных евреям. В ответ

Додд опроверг данное газетное заявление, причем его опровержение немецкая пресса напечатала дословно.

Изучив доклад Шмитта и встретившись с любезно принявшим его министром иностранных дел бароном Константином фон Нейратом, а также несколькими главами военных ведомств, Додд пришел в восхищение от их профессионализма – подчеркнутой деловитости и широкой осведомленности в своей области. Вместе с тем его неприятно поразил тот прием, который оказали ему как немецкие, так и американские видные общественные деятели в Берлине. Так, один званый обед он охарактеризовал как «весьма скучный». О другом приеме, устроенном семьей Генри Вуда в их Потсдамском дворце, на котором присутствовал кое-кто из немецкой аристократии, Додд записал, что все приглашенные вели себя, «как в добрые гогенцоллерновские времена», но по поводу самой беседы заметил, что «все разговоры велись в явно гитлеровском тоне».

На протяжении первых недель своего пребывания в «третьем рейхе» Додд ощущал немалое смущение и внутреннее смятение, вызванное контрастом между Германией, которую он знал прежде, в более спокойные времена, и неприятными эксцессами, ожидавшими его в Германии сегодняшней. Например, в один из уик-эндов он вместе со своей женой Мэtti отправился по Потсдамскому шоссе в Виттенберг и Лейпциг. Подъехав около полудня к церкви, где покоятся останки Мартина Лютера, они не смогли попасть внутрь, потому

что двери были на запоре. Это было так не похоже на 90-е годы прошлого века, когда Додд, заканчивавший Лейпцигский университет, беспрепятственно вошел в это старинное здание – колыбель Реформации!

Столь же неизвестным оказался и Виттенберг: по сравнению с городом, некогда виденным Доддом, он увеличился, по меньшей мере, раза в четыре, превратившись в крупный промышленный центр. Пока нацисты маршировали по новым широким улицам, семья Доддов гуляла по старинному центру города, после чего они поехали в Лейпциг. Додд проучился в этом городе три года до получения докторской степени в университете. Теперь он бродил среди опустевших дворцов бывших богачей, которые потеряли свое состояние во время 1-й мировой войны; по словам Додда, «эта часть города производила мрачное впечатление, величественные особняки молчаливо напоминали о безрассудствах людей, которые в 1914 году вершили судьбы своей страны». Взобравшись на вершину монумента, посвященного победе Германии над Наполеоном в битве под Лейпцигом в 1813 году, семья Доддов и тут обнаружила следы нацистской пропаганды в виде памятной доски, где хвастливо говорилось «о могуществе и героизме немецкого народа».

Раздираемый противоречием между романтической и даже величественной Германией своей юности и исполненной безобразных сцен действительностью 1933 года, Додд пытался соединить их в единое целое. Поначалу оптимистично

считавший, что ему удастся установить более тесные и менее напряженные отношения между Берлином и Вашингтоном, Додд вскоре был обескуражен окружавшей его атмосферой недоверия. В поле его зрения один за другим попадали случаи, когда дело касалось безопасности евреев в гитлеровской Германии; имея родственников в США, они часто скрывали это в надежде, получив оттуда поддержку, ускользнуть от нацистских преследований. Американские организации типа Фонда Карнеги или Фонда Оберлендера стали опасаться посылать студентов в Германию. Додд, напротив, ратовал за продолжение этих программ, несколько наивно замечая, что «преследования евреев, возможно, прекратятся». Додд, кажется, проявил исключительно академический интерес к рассказу профессора Коура о его встрече с Гитлером, в ходе которой фюрер обещал уничтожить всех евреев, перевооружить Германию, аннексировать Австрию и перевести столицу в Мюнхен. На очередном званом обеде Додд даже осудил Маурера за его излишне пристрастную критику гитлеровской Германии, придя к выводу, что Маурер по-своему почти столь же неистов, как и сами нацисты. Как бы там ни было, Додд, скорее всего, не замечал всей серьезности той угрозы, которую представляли нацисты для Германии и мира, пока не стало слишком поздно.

Адольф Гитлер

По роду своей деятельности Додду приходилось общаться с Адольфом Гитлером в основном на политические темы. Будучи академическим ученым и соответственно либералом по взглядам, Додд на протяжении всей своей дипломатической службы оставался стойким поборником личной свободы человека и всего хрупкого мира идеальных понятий. Тем не менее, вступив на пост посла, он, хотя и не слишком охотно, согласился защищать интересы американских банкиров в Германии. Эта тягостная озабоченность уплатой Германией своего астрономического долга, общее беспокойство Додда и президента Рузвельта обращением нацистов с американскими подданными, и, возможно, в меньшей степени – обращением с евреями, служили главными темами бесед между американским послом и Адольфом Гитлером.

В первый раз Додд встретился с фюрером спустя два месяца после приезда в Берлин. Во вторник, 17 октября 1933 года, в полдень Додд прибыл в бывшую резиденцию Бисмарка. Посол поднимался по широкой лестнице дворца, на каждой площадке которой стояли нацистские охранники, приветствовавшие его «по примеру легионеров Цезаря поднятой вверх рукой». В приемной Додд дружески поговорил с молодым Хансом Томсенем, тоже ожидавшим приема у Гитлера. Вскоре министр иностранных дел барон фон Нейрат

пригласил Додда в кабинет канцлера – просторную комнату площадью не менее пятидесяти квадратных футов, заставленную столами и креслами для проведения всевозможных совещаний. «Кабинет был прекрасно отделан, хотя и не столь изысканно, как соседний бальный зал. Через минуту появился и сам Адольф Гитлер в скромном рабочем костюме, аккуратный, подтянутый. В жизни он выглядит несколько лучше, чем на газетных фотографиях» (где он обычно являлся в образе баптистского проповедника).

Впоследствии Додд писал, что беседа между ним и немецким диктатором все время велась вокруг двух тем: нанесение оскорблений американцам и невыполнение обязательств перед американскими кредиторами. Когда фон Нейрат привел данные, что снижающийся немецкий экспорт позволил Германии вернуть только часть долга, но не весь заем, Гитлер сделал вид, что согласен со всеми доводами Додда. Немецкий диктатор даже дал личные гарантии в том, что все оскорбления и нападки на американцев в нацистской Германии будут строго наказываться, и пообещал отдать распоряжение, запрещающее принуждать иностранцев отвечать на нацистское приветствие.

В ходе беседы Додд и Гитлер коснулись темы выхода нацистской Германии из Лиги наций в прошлую субботу; этот поступок Додд оценил как «гром с ясного неба». В ответ Гитлер «напыщенно заговорил о Версальском договоре, о нарушении союзниками своих обещаний, о разоружении и о

том унижительном положении, в котором находится теперь разоруженная Германия». Додд сказал Гитлеру, что он находит оправдание Франции, которая с недоверием относится к Германии, хотя поневоле признал, что «поражение в войне всегда влечет за собой некоторую несправедливость со стороны победителей». В качестве наглядного примера Додд привел опыт Южных штатов после окончания Гражданской войны, однако заметил, что Гитлер на этот раз хранил молчание.

«После нового обмена любезностями» посол спросил, «может ли какой-нибудь инцидент на польской, австрийской или французской границах, в результате которого враг окажется на территории рейха, стать формальным поводом к войне», на что Гитлер ответил отрицательно. (Ответ немецкого диктатора, конечно, показателен в том смысле, что является явной ложью. Так, Уильям Л. Ширер позже напишет, что на протяжении некоторого периода времени до лета 1939 года нацисты часто использовали угрозу польских «террористов», чтобы вызвать у немцев истерию ненависти, которая летом 1939 года достигла своего апогея и послужила для Берлина поводом к вторжению в Польшу. С этой целью заключенных концлагерей переодели в военную форму, а затем расстреляли, чтобы все представить как потери среди немецких военнослужащих в результате польского нападения на немецкоговорящую радиостанцию в Глейвице – захолустном приграничном городке на востоке Германии.

Эту провокацию организовали части СС для того, чтобы «в порядке самообороны» Германия начала военные действия против Польши. Так начиналась Вторая мировая война.)

Далее Додд спросил, будет ли ответ немецкого лидера также отрицательным в случае, если подобный эпизод произойдет в Рурской демилитаризованной зоне, и созовет ли он при таком повороте событий конференцию европейских держав. «Это и будет моей целью, – продолжал лгать Гитлер, – но может случиться, что мы не сумеем сдержать германский народ». Здесь Додд сделал предположение, что под «народом» Гитлер подразумевает воинствующих нацистов, которых он сам же воспитал в таком духе. В целом из беседы, которая продолжалась недолго, какие-нибудь сорок пять минут, американский посол вынес впечатление, что Гитлер «очень самоуверен и настроен крайне воинственно».

Следующая встреча Додда с Гитлером произошла на праздновании Нового, 1934 года. Это был понедельник. Все члены дипломатического корпуса сочли своим долгом остаться в городе, чтобы выразить свое уважение и поздравить с праздником президента Пауля фон Гинденбурга. Последний из очевидцев эпохи правления Бисмарка, фон Гинденбург в свои восемьдесят шесть лет пытался, всё с меньшим успехом, направить Германию по умеренному пути развития. С его смертью вся власть в стране фактически переходила бы в руки Гитлера, поскольку на политической арене не оставалось ни одного достойного противника в нуж-

ной весовой категории, способного успешно противостоять амбициям безумного маленького австрийца. В тот студеный день Додд приехал в президентский дворец, где у входа его приветствовала нацистским салютом прислуга, потом посла провели в уютную гостиную. Здесь его встретили посланники других стран: британский посол сэр Эрик Фиппс, французский посол Андре Франсуа-Понсэ и испанский посол Луис Сулуэта.

Гинденбург выслушал официальное поздравление с Новым годом папского нунция, которое тот прочитал на французском языке, хотя ни немецкий президент, ни американский посол по-французски не понимали. Гинденбург в ответ прочитал заранее написанную речь. В первую очередь он призывал к восстановлению Германии, при этом подчеркнул значимость руководства страной Гитлером, – хотя «едва ли кто-либо из членов дипломатического корпуса относился сочувственно» к этой теме. После кратких обращений к папскому нунцию, Франсуа-Понсэ и итальянскому послу Витторио Черрути, Гинденбург обменялся рукопожатием с американским послом. Он даже поинтересовался у Додда, хорошо ли идут дела у его сына в Берлинском университете, и похвалил посла за его немецкий язык, который сам Додд оценивал как «достаточно беглый, хотя и несколько небрежный».

Потом вошел Гитлер. Додду показалось, что он «был очень подавлен и даже растерян». Гитлер пожелал Додду «счастливого Нового года», на что американский посол от-

ветил столь же вежливым и холодным поздравлением. Один лишь итальянский дипломат приветствовал фюрера официальным нацистским салютом. Додд спросил Гитлера, как он провел Рождество в Мюнхене – любимом городе фюрера, и поделился собственными впечатлениями от «двух очень интересных дней», проведенных в начале декабря в столице Баварии. Когда Додд простодушно заметил, что там он встретился с известным историком профессором Мейером, своим знакомым по Лейпцигскому университету, «Гитлер смутился, оказалось, что он никогда не слышал о Мейере». Додд записал в своем дневнике: «Я поговорил еще немного о Мюнхенском университете, но Гитлер, не сказав больше ни слова, пошел дальше. У меня создалось впечатление, что ему никогда не приходилось сталкиваться с людьми, которых я знал и уважал». Сетуя на то, что Гитлер, в отличие от Гинденбурга, не выказал никакого личного интереса к нему, Додд опасался, не счел ли Гитлер, что ученый посол хотел «поставить его в неловкое положение» (этого Додд, конечно, не собирался делать). В дневнике Додд добавил: «Мне трудно было в этих сложных условиях найти безобидную тему для разговора».

В среду, 7 марта 1934 года Додд снова встретился с фюрером, на этот раз встреча была тайной, ее организовал Эрнст Ганфштенгль. Додд вошел в приемную немецкого канцлера в сопровождении фон Нейрата, который «был явно слегка раздражен». Гитлер встретил его радушно, они сели за стол. Додд заметил: «Я сидел спиной к стене смежной комна-

ты, где, по-видимому, находился Нейрат. Если только в стенах не был спрятан какой-нибудь специальный аппарат для подслушивания, никто не мог слышать нашего разговора». В течение почти целого часа Додд и Гитлер обсуждали германо-американские отношения. Но когда Додд спросил, не хочет ли Гитлер что-нибудь передать президенту Рузвельту через него, так как он вскоре поедет в Вашингтон, Гитлер «слегка удивился», посмотрел пристально и произнес: «Позвольте мне подумать над этим и ответить вам при следующей встрече».

Затем Додд поднял тему о «о враждебной и пагубной германской пропаганде, напомнив Гитлеру, что в 1915–1916 годах такая неразумная пропаганда немало способствовала затягиванию Соединенных Штатов в мировую войну». Гитлер изобразил удивление и спросил о подробностях. Посол удержался и не назвал имена двух наиболее известных немецких пропагандистов, поскольку они стали видными нацистскими руководителями. Додд упомянул только о брошюрах, в которых содержался призыв ко всем немцам в Соединенных Штатах, где бы они ни находились, помнить, что они есть и должны оставаться немцами; в похожем законе 1913 года заявлялось о «двойном гражданстве для немцев» (имелись в виду эмигранты). Гитлер сразу же возразил: «Ах, это все наглые измышления евреев. Если я узнаю, кто их распространяет, то немедленно вышлю виновника из Германии».

Додд выразил озабоченность настроениями евреев в Нью-

Йорке, где должен был состояться заочный судебный процесс над нацизмом, но о самом процессе умолчал. Гитлер то и дело перебивал его восклицаниями вроде «Проклятые евреи!» и грозил, что, если за рубежом будет продолжаться агитация против него, он быстро покончит со всеми евреями в Германии. Он говорил, что спасает Германию от коммунистов, и заявил, что в России 59 % официальных лиц является евреями. Додд слабо попытался оспорить утверждения Гитлера, указывая на то, что «советской угрозы более не существует». Когда же Гитлер покачал головой, Додд добавил, что в Соединенных Штатах в 1932 году коммунисты на выборах собрали лишь незначительное количество голосов. Гитлер воскликнул: «Счастливая страна! Видимо, ваш народ здраво подходит к этому вопросу».

Под конец Додд высказал свои соображения в поддержку академических свобод в Германии и особо отметил, что «университетские связи и свободное обсуждение международных проблем позволят преодолеть многие трудности». Гитлер согласился с ним, но затем его внимание переключилось на план Рузвельта по усилению экономических связей между двумя странами. Когда Додд выходил из приемной Гитлера, навстречу ему шел Руст, немецкий министр образования, тот самый Руст, приказом которого были введены строгие ограничения на академические свободы. Додд остановил министра и напомнил ему о важности открытости и свободы в отношениях между Соединенными Штатами и

Германией. «Руст, по-видимому, никогда всерьез не задумывался над этой стороной дела».

Перебирая мысленно все моменты встречи с фюрером, Додд вернулся в посольство и исписал несколько страниц своего дневника, передавая глубоко личные впечатления от Гитлера и его ближайшего окружения. «Гитлеровский режим держится на трех совершенно невежественных и тупых фанатиках, из которых каждый так или иначе замешан в злодеяниях последних восьми – десяти лет. Эта троица представляет различные группы нынешнего большинства в Германии, большинства, конечно, отнюдь не подлинного». К этому моменту своего пребывания в Германии американский посол уже утратил значительную часть своего простодушия. О Гитлере Додд отзывался таким образом: «Он не раз недвусмысленно заявлял, что народ может выжить только путем борьбы, тогда как мирная политика приводит его к гибели. Политика Гитлера была и остается агрессивной... В его сознании прочно укоренилась старая немецкая идея об установлении господства над Европой путем войны». Окончательное осознание Доддом угрозы, которую представлял Гитлер, пришло слишком поздно, к тому времени Додд уже был не в силах эффективно воспользоваться своим положением, чтобы заставить Вашингтон, Лондон и Париж противодействовать усилению власти Гитлера в Германии.

После смерти тяжело болевшего Гинденбурга Гитлеру досталась роль абсолютного диктатора немецкого рейха. В пер-

вой половине дня в среду 12 сентября 1934 года Додд явился в президентский дворец на Вильгельмштрассе в положенном для таких случаев фраке, «чтобы официально засвидетельствовать уважение новому самозваному президенту Адольфу Гитлеру». За несколько дней до этого события испанский посол в беседе с Доддом высказал мнение, что придется пожать руку Гитлеру, хотя, по признанию испанца, «даже мысль о том... ему противна». Додд согласился, что нельзя оставаться в стороне, что это дело государственной важности.

В Президентском дворце во внутреннем дворе Додда встретили застывшие по команде «смирно» солдаты. Здесь присутствовал весь дипломатический корпус, включая папского нунция, который перед этим почти месяц находился в госпитале, а также французского посла Франсуа-Понсэ, которому Гитлер однажды заявил, что не желает больше никогда с ним видеться. После того, как в конференц-зале собралось около 50 дипломатов, в зал вошел Гитлер, его сопровождали Нейрат, Бюлов и Бассевиц. Папский нунций, «как принято в подобных случаях, прочитал свою речь, поздравляя политического и религиозного врага Рима с тем, что он успешно узурпировал пост Гинденбурга». Под конец нунций незаметно коснулся другой темы, тонко предостерегая Гитлера против развязывания войны, хотя, как заметил Додд, все присутствующие понимали, что это и есть главная цель гитлеровского режима.

Гитлер сообщил (он говорил по-немецки), что Германия намерена демонстрировать другим нациям только свою доброжелательность и миролюбие. Когда Гитлер закончил свою лживую речь, он «по всем правилам этикета подошел к нунцию, поклонился и пожал ему руку». «Если уж до конца соблюдать проформу, – саркастично подметил Додд, – он мог бы даже обнять его». Затем диктатор подошел к французскому послу. «Минуту или две они о чем-то тихо говорили по-немецки самым дружеским образом». Прием, оказанный Гитлером Черрути, был несколько более прохладным, Додд поневоле отметил, что «итальянский посол не обладал светским лоском – *savoir faire* – французского дипломата и не мог скрыть свою неприязнь, поскольку ненавидел фашизм так же, как и его жена, венгерская еврейка, изящная и утонченная женщина».

Когда очередь дошла до японского посла, Гитлер подчеркнуто поблагодарил его за посещение им прошлой осенью съезда нацистской партии в Нюрнберге, видимо, это был упрек французскому, английскому, испанскому и американскому послам, которые не появлялись на двух последних нюрнбергских съездах. Наконец, Гитлер приветствовал Додда, который в ответ поспешно подчеркнул, что мирный тон речи будет с одобрением отмечен в Соединенных Штатах, особенно президентом Рузвельтом, который просил Додда передать фюреру, что «миролюбивые речи подобного рода всегда интересовали его». Гитлер поклонился и ко-

ротко ответил так, «словно он сам принадлежит к числу пацифистов, которых он в действительности всегда публично осуждает». Когда фюрер отошел, Додду стало не по себе – он почувствовал, что Гитлер не уловил его иронии и решил, что американский посол в самом деле поверил ему!

Додд писал, что никогда не видел Гитлера таким счастливым, как во время его шествия вдоль шеренги дипломатических представителей зарубежных стран. Ни Нейрат, ни Бюлов «не обнаружили никаких признаков стыда за свою страну». Прием завершился поздно, и все послы вернулись в свои резиденции, «как всегда раздумывая о том, долго ли продержится этот режим, который из всех режимов Европы больше всего сродни средневековому». «Репортеры, пришедшие вечером, жаждали узнать о моих впечатлениях от этого приема. Я мог сказать им только, – признавался Додд, – что главной темой разговора был мир и что все немцы сияли от радости».

Прошло два дня после столь тягостной встречи с Гитлером, и Додд снова увидел немецкого фюрера, когда в качестве гостей министерства иностранных дел он и его жена Мэтти были приглашены в оперный театр в Шарлоттенбурге на представление «Тангейзера». Гитлер, Папен, Геббельс, генералы Бломберг и Фрич находились в бывшей императорской ложе. Рядом с Доддом сидели супруги Черрути, через проход от них – французский посол Франсуа-Понсэ вместе с мадам Франсуа-Понсэ. «Все ложи занимали дипломаты, зал

был переполнен». Раздались звуки увертюры – «точно в назначенное время».

Во время первого антракта публика в партере встала и, обернувшись в сторону Гитлера, приветствовала его нацистским салютом. То же самое происходило и во время второго антракта. «Все зрители, а также актеры были в восторге от присутствия канцлера; говорят, такого восторга не было даже в те времена, когда в императорской ложе сидели Гогенцоллерны». Хотя ходили упорные слухи о попытках Геббельса устранить вице-канцлера Папена, сейчас они сидели рядом, «словно лучшие друзья».

Во время одного из перерывов к Додду подошла синьора Черрути, в совершенстве владевшая искусством «притворных дипломатических намеков». «Конечно, – подумал Додд, – супруги Черрути знают, что я люблю их диктатора не больше, чем самовластного фюрера». И заключил: «Размышляя о проблемах и пороках нашей цивилизации, я раздумываю и о том, не следует ли американскому правительству отозвать меня. Я был бы не прочь оставить эту должность».

Разочарование Додда от его службы в должности посла Соединенных Штатов возрастало. Позже, в 1935 году, он напишет, что он не говорил с Гитлером с 6 февраля 1934 года, а с Германом Герингом – с начала июня того же года, тогда же, в начале июня 1934 года Додд с женой были на обеде у Йозефа Геббельса. «Довольно сложно в моем положении не

поддерживать светских отношений с членами триумvirата. Они – правители Германии, а я представляю здесь Соединенные Штаты. И все же для меня унинительно пожимать руку известным и признанным убийцам. Я склонен следовать примеру нидерландского посланника (близкого знакомого) до конца моего пребывания здесь». Желание Додда избавиться от дипломатической службы в нацистской Германии, тем не менее, довольно долго оставалось недостижимым.

В пятницу 10 января 1936 года Додд присутствовал на ежегодном дипломатическом приеме у Гитлера. Снова он исполнял обычные формальности на этом раздражавшем его собрании. «Присутствовали почти все послы и посланники, все в парадной одежде, некоторые со старомодными головными уборами и в великолепных, отделанных позолотой, мундирах», – описывал Додд. «Казалось, что действие происходит в восемнадцатом веке». Гитлер приехал на полчаса позже. «Лишь итальянский посол, казалось, чувствовал себя стесненно; советский посол попросту держался в стороне, оживляясь только тогда, когда к нему кто-нибудь подходил».

Как и в прошлом году, папский нунций зачитал поздравительный текст на французском языке, который Гитлер понимал не лучше, чем Додд. На этот раз фюрер ограничился короткой ответной речью, указав в ней на низкий уровень безработицы как на величайшее достижение его режима за прошедший год. При этом, заметил Додд, он не разъяснил, что «сокращение безработицы произошло почти исключительно

за счет гонки вооружений». Гитлер опять обошел всех дипломатов. Он недолго поговорил об истории христианства с папским нунцием, спросил французского посла о недавнем наводнении в Париже из-за разлива Сены. Затем Гитлер обратился к Додду, который сказал, что «слышал его разговор с нунцием на историческую тему, и высказал предположение, что он читал историю с подлинным интересом». Гитлер ответил: «Да, я предпочитаю историю политике, которая меня изнуряет». По окончании приема, после подчеркнуто дружеского разговора с диктатором Додд признается в своих записках: «Хотя принято считать, что такие приемы необходимы, мне они кажутся бесполезными».

Несмотря на свою неприязнь к подобным театральным представлениям, год спустя, в понедельник 11 января 1937 года, Додд явился на свой последний дипломатический прием, устроенный Гитлером. За пятнадцать минут, пока дипломаты стояли, тихо разговаривая в ожидании появления Гитлера, Додд заметил, что за истекший год отношения между дипломатическими представителями стали более напряженными. «Итальянец, казалось, был наименее желанным собеседником. Он сторонился меня... и я отвечал ему тем же». Сэр Фиппс, британский посол, «был сдержан, как всегда, но на этот раз я обнаружил в нем больше симпатий к фашистской клике в Испании, чем прежде. Теперь я убежден, что он почти фашист, как и Болдуин и Антони Иден». Советский представитель, как показалось Додду, был «спокоен и невоз-

мутим, невзирая на то что его страну поносят здесь каждое-дневно, начиная с сентября». Ни один из дипломатов или министров не говорил «ничего существенного». Додд «донимал англичанина упреками в крайнем макиавеллизме за их договор. Он улыбался, но отмалчивался».

Наконец прибыл Гитлер. Поскольку папский нунций был болен, в начале выстроившегося в обычную линию дипломатического корпуса встал французский представитель, а следом за ним шли Додд, британский, турецкий и советский послы, подобный порядок определялся сроком пребывания каждого представителя в Берлине. «Вид у фюрера был несколько смущенный, лицо – красное», – заметил Додд. Как только Гитлер встал к дипломатам лицом, французский посол прочитал приветственную речь, подготовленную нунцием. «Никаких серьезных высказываний, ни явных, ни завуалированных, мы не услышали», – позже напишет Додд. Затем фюрер прочитал свой ответ, «в котором тоже ничего не было сказано, что довольно странно, учитывая сложность международной обстановки». Додд ожидал, что Гитлер о чем-то намекнет британскому или французскому посланникам. Но не услышал ни слова.

После приветственных речей Гитлер обменялся рукопожатием с французским послом. Додд плохо разбирал их тихую беседу, но легко мог представить, что «француз жаловался на нападки на Францию, содержащиеся во всех сегодняшних немецких газетах, поскольку Гитлер несколько

критически отозвался о французской прессе».

Затем Гитлер обратился к Додду, «стараясь казаться очень искренним». Додд упомянул об ухудшении экономических отношений между Соединенными Штатами и Германией. В ответ Гитлер вежливо поздравил президента Рузвельта с победой на последних выборах, а также в связи с его «конструктивными мероприятиями». Додд поблагодарил, выразив радость по поводу знакомства Гитлера с рузвельтовским президентским посланием. Хотя Гитлер подтвердил, что прочитал его, Додд в этом сомневался. Исполненная притворства беседа в начале очередного года скоро закончилась.

Посол Додд больше не присутствовал на дипломатических представлениях. В течение 1937 года раздражение и недовольство его росло, он все больше разочаровывался в пользе своей дипломатической службы в «третьем рейхе». В июле того же года Додд приехал в Соединенные Штаты, чтобы встретиться с президентом Рузвельтом и руководителями госдепартамента США. Несмотря на их настойчивые просьбы остаться на посту посла США в Германии, Додд заметил, что ему два года пришлось вынашивать решение о своем уходе и оно окончательно.

В качестве личной любезности, идя навстречу просьбе президента Рузвельта, он обещал доработать до конца года. Недолго пробыв на ферме в Раунд-Хилл, в своем уединенном пристанище под Ашлендом, штат Виргиния, где он

успел заняться сбором урожая, ремонтом дорожек и переносом коптильни на более удобное место, Додд в конце октября опять возвращается в Берлин. Но теперь он просто следил за обычным ходом посольских дел в ожидании, пока его сменит Джозеф Дэвис, бывший американский посол в Советском Союзе. Прибыв в столицу Германии, Додд записал 29 октября в дневнике: «Снова в Берлине. Что я могу сделать?».

Преследования евреев

Положение евреев в немецком обществе было шатким и непрочным еще задолго до возникновения национал-социализма. На протяжении веков терпимое отношение к евреям сменялось преследованиями со стороны как правителей, так и простого народа страны, которая со временем стала известной в англоговорящем мире как «Германия». Однако при нацистском режиме евреи оказались в самом низу социальной лестницы, причем с каждым годом после прихода Гитлера к власти в 1933 году жестокая дискриминация и суровые гонения евреев усиливались. И хотя проживавшие в «третьем рейхе» американцы, как и другие иностранцы, были свидетелями отдельных случаев бесчеловечного обращения нацистов с евреями, только после поражения Германии в 1945 году всему миру стали известны трудно вообразимые ужасы Холокоста.

Антисемитизм придумали не немцы, хотя при Гитлере чувство неприязни к евреям у немцев возросло невероятно. Еще в начале лета 1933 года, перед тем как оставить Нью-Йорк, чтобы занять пост посла США в Германии, Уильям Э. Додд столкнулся лицом к лицу с уродливым и безобразным предубеждением против евреев, которое было основано на религии и «расовом различии». Додд записал в дневник, что его вместе с семьей пригласил в гости Чарлз Р. Крейн; у него в апартаментах на Парк-авеню хранились великолепные образцы русского и азиатского искусства. Крейн был интересен Додду не только впечатлениями от своих многочисленных путешествий, но также тем, что на протяжении ряда лет он поддерживал деньгами исторический факультет Чикагского университета и, кроме того, пожертвовал миллион долларов Институту текущей мировой политики. Несмотря на «просвещенность» Крейна, Додд нашел, что он «все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии; по его мнению, евреи заслуживают проклятия, и он надеялся, что их поставят на место». Фанатичный сторонник этой идеи, Крейн напутствовал Додда: «Предоставьте Гитлеру действовать по-своему».

Едва Додд прибыл в Германию, он сразу оказался втянутым в решение «еврейской проблемы». Когда к нему пришел репортер из еврейской газеты «Гамбургер Израэлитичесхес фамилиенблатт» и поинтересовался официальной по-

зицией США по отношению к положению евреев в нацистской Германии, то немецкая пресса, истолковав все превратно, раздула этот случай как пример лживых и коварных махинаций, столь «типичных» для евреев. Начавшиеся с этого неприятного дипломатического казуса отношения Додда с правительством Гитлера в дальнейшем все время только ухудшались.

Сразу после вступления в должность Додд повел борьбу против преследования нацистами евреев, надеясь найти эффективный выход из положения. Фриц Габер, один из признанных немецких химиков, пришел к Додду с рекомендательным письмом из Нью-Йорка от Генри Моргантау. В возрасте шестидесяти пяти лет Габер, страдавший серьезным сердечным заболеванием, был уволен с работы без всякого пособия, хотя в соответствии с прежним, донацистским законодательством он имел полное право на пенсию. Надеясь на особое к себе отношение как к известному ученому, он обратился к Додду с просьбой об эмиграции в США и предоставлении там убежища. Посол пообещал сделать все возможное и запросить министерство труда, хотя и заметил, что иммиграционные квоты были уже выбраны. Прощаясь, Габер настоятельно попросил Додда быть осторожным и сохранить его дело в секрете, так как огласка могла бы навлечь на него большие неприятности; он также заметил, что, возможно, попытается уехать в Испанию, если ему разрешат. «Бедный старик», – тепло подумал Додд, очень ему сочувство-

вавший. После посещения Габера ему стало ясно, в какой безвыходной ситуации находились люди, которые взывали к его помощи. Додд скоро осознал, что, несмотря на фанфары и высокий ранг, на самом деле он обладает небольшой властью. Попадая все чаще в затруднительные положения, посол Додд испытывал постоянную профессиональную неудовлетворенность.

В начале своего пребывания в Берлине Додд принял у себя в посольстве Р. Г. Гаррисона, профессора Йейлского университета. Гаррисон был сильно озабочен безопасностью «одной выдающейся женщины, профессора Берлинского университета, которая во время войны жила в Йейле и находилась под строгим надзором американской полиции, подозревавшей ее в шпионаже в пользу Германии». Нацисты отстранили ее от преподавания и арестовали как еврейку. Гаррисон был очень высокого мнения о ней и просил Додда вмешаться в это дело. Но поскольку женщина являлась подданной Германии, американский посол был лишен возможности что-либо предпринять.

10 августа Дэвид Левинсон, еврей с типичной еврейской внешностью, правовец из Филадельфии, игравший видную роль в процессах о гражданских свободах в США, официально посетил господина посла. В качестве адвоката обвиняемой стороны на широко известном судебном процессе о поджоге рейхстага он попросил Додда направить письмо «к одному из представителей германских властей»; данное

письмо он мог бы использовать по назначению во время судебного разбирательства. Рассудительный профессор, а ныне осторожный дипломат отклонил предложение Левинсона, не взяв на себя какого-либо обязательства о поддержке. Немногословный Додд записал: «Я не мог дать Левинсону такую записку, но посоветовал ему обратиться к Луису П. Лохнеру, корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс».

В то время как Додд колебался, не участвуя лично и не вовлекая свое правительство в драматические инциденты с немецкими евреями, такого рода дела возникали снова и снова на протяжении всего срока его пребывания в качестве посла США в Германии. Никогда не забывая о том, о чем постоянно вещал Гитлер, – что «все евреи должны быть стерты с лица земли», – Додд в беседе с нацистскими высокопоставленными лицами часто выражал свою неприязнь к практиковавшимся жестоким методам, предупреждал их, что нельзя ожидать изменений международной оценки германского руководства, пока самые видные немецкие лидеры осуждают евреев.

Несмотря на его публичную, хотя и приглушенную, критику нацистской политики, а также искреннюю симпатию к евреям, подвергавшимся притеснениям нацистов, Додд последовательно избегал нажимать на немецкую администрацию путем официального выражения от лица Соединенных Штатов недовольства действиями нацистских властей. Как представителя Вашингтона в Берлине его постоянно осажда-

ли просьбами вступить за подданных США или евреев, проживающих в Европе. К примеру, Реймер Кох-Везер, сын бывшего министра юстиции, учившийся в Новой Англии и занимавший хорошую должность в нью-йоркской адвокатской фирме, пришел просить Додда «использовать влияние, чтобы помочь его отцу снова получить право заниматься адвокатской практикой в Берлине».

Дед отца Кох-Везера был евреем, тем не менее даже столь отдаленные еврейские родственные связи послужили достаточной причиной для гитлеровского режима, чтобы запретить отцу заниматься юриспруденцией. Додд и в этот раз отказался вмешаться, объясняя, что «совершенно не правомочен обращаться по подобным вопросам к кому-либо из германских официальных лиц». Кох-Везер выразил надежду, что послу представится случай неофициально коснуться этого вопроса и способствовать его разрешению. Додд с горечью признавался: «Я не предвидел в ближайшем будущем возможности помочь Кох-Везеру, так как германские власти настроены к нему крайне враждебно».

Когда к нему как к послу обращались незнакомые ему евреи с просьбами о содействии, Додд отказывал, мотивируя это и тем, что, как он полагает, его мнение – *non grata* – почти ничего не значит в нацистских кругах. Тем не менее, когда стали преследовать друзей его семьи, разумеется, евреев, Додду стала очевидна вся тяжесть сложившегося положения. В 1935 году его сын несколько месяцев гостил в семье Рихте-

ров – «для обучения немецкому языку и изучения истории». Додд считал отца этого семейства, занимавшегося историей немецкой литературы, очень способным человеком, однако он был «наполовину или на четверть евреем» и поэтому в 1934 году был смещен с профессорской должности в Берлинском университете. 26 марта 1936 года господин Рихтер посетил посольство, чтобы попрощаться с Доддом; он переехал вместе с семьей в Баден, «в двух милях от Базеля в Швейцарии, где надеялся устроить своих детей в школу», так как их исключили из немецкой школы как евреев. После его ухода Додд записал: «Я был удручен тем, что он мне рассказал. Но о таких делах мне сообщают почти ежедневно».

Однако не всегда за помощью к американскому послу обращались евреи, стремившиеся покинуть Германию, защитить свои права или вернуть собственность. Так, однажды утром, в октябре 1934 года Додду позвонила жена немецкого дипломата, служившего на Балканах, и попросила помочь – документально подтвердить «чистоту» ее крови. Рудольф Гесс, заместитель главы нацистской партии, обязал все замужние пары доказывать, что ни один из их предков не был евреем. Эта женщина родилась в Германии, в семье, которая переехала из Соединенных Штатов. Если она не докажет, что ее дед и бабушка не были евреями, муж ее должен будет оставить свою дипломатическую должность. Жена дипломата передала послу документ, подтверждавший лишь то, что ее родители были гражданами Соединенных Штатов. Додд

посоветовал ей «обратиться к консулу Гейсту, полагая, что ему, быть может, удастся замолвить словечко кому-нибудь из германских государственных служащих и облегчить ее судьбу». В своем дневнике он пояснил: «Во внешности этой женщины нет никаких признаков неарийской крови. Случай с ней – еще один пример антиеврейской политики германского правительства».

Кроме попыток облегчить положение евреев в Германии постоянными напоминаниями, что в Вашингтоне озабочены этой ситуацией, посольство США также прилагало усилия, чтобы предоставить убежище ограниченному количеству немецких евреев за пределами страны. 7 февраля 1934 года Додд принял Джеймса Макдональда, верховного комиссара Лиги наций по проблемам германских беженцев. Макдональд пытался найти для преследуемых евреев какое-нибудь пристанище в Соединенных Штатах, Латинской Америке или где-нибудь еще. Работая в штаб-квартире Лиги наций в Лозанне, в Швейцарии, Макдональд должен был разъезжать повсюду, действуя в интересах евреев, проживавших в «третьем рейхе».

На Додда Макдональд произвел впечатление «человека, не очень-то увлеченного своей новой и нелегкой должностью», хотя его деятельность показалась «весьма важной, поскольку Гитлер никогда не откажется от мысли изгнать всех евреев из рейха». Макдональд собрал полмиллиона фунтов стерлингов у английских евреев, которые были не в востор-

ге, так как не желали появления в Великобритании большого количества немецких евреев. Точно такие же настроения Макдональд встретил в Соединенных Штатах, где в определенных кругах с интересом, но без воодушевления отнеслись к тому, чтобы принять у себя преследуемых евреев. Осознавая сложные реалии «Великой депрессии», Додд объяснял: «Ведь всех этих иммигрантов необходимо обеспечить работой в конторах, банках или на промышленных предприятиях, а работы сейчас мало».

Додд со вниманием выслушал план Макдональда – «согласовать с немцами десятилетний план выселения евреев из Германии и договориться о переводе определенных средств, чтобы обеспечить иммигрантов средствами существования на первое время»; при этом он указывал, что Нейрат «не возражает против такого плана, но не может обещать что-либо определенное». «Нелегкая это задача – переселить более 600 тысяч человек, из которых многие очень состоятельны, – объяснял Додд. – Если же немцы будут попросту высылать их, как они пытались делать в последний год, это вызовет всеобщее возмущение».

В течение четырех с половиной лет пребывания Додда на посту американского посла в Берлине условия жизни евреев постоянно ухудшались, а их личная свобода ущемлялась. Дополнительно к уже существовавшим законам, которые запрещали евреям владеть собственностью, работать по профессии, заниматься бизнесом с людьми другой национально-

сти и «смешиваться» с немцами, вводились новые. В апреле 1937 года Додд сообщал: «Заметно строже стали надзор за евреями и меры наказания по отношению к ним. Запрещены все виды собраний евреев, кроме религиозных. Они не имеют права играть в теннис, футбол, заниматься водным спортом, греблей, плаванием». И заключал в дневнике: «Государство с давней традицией свободы вероисповедания превращается в страшную деспотию. По-видимому, около трети населения приветствует эту систему, отказывающую людям в личной свободе».

Вместо того чтобы взять на себя ответственность за переселение немецких евреев вне предела досягаемости гитлеровского режима, Соединенные Штаты в основном реагировали выражением опасения и озабоченности по поводу дальнейшей изоляции нежелательных немецких граждан. В это время «Великая депрессия» побуждала к ограничению въезда в страну, чтобы предоставить рабочие места, кров и государственную поддержку тем людям, которые уже жили в Соединенных Штатах; атмосфера в обществе в значительной мере определялась еле сдерживаемым антисемитизмом. По иронии судьбы такие протекционистские настроения угрожали тем самым свободам, которые многие американцы так бурно и шумно клялись «защищать». Хотя сам Додд неоднократно уклонялся от того, чтобы содействовать немецким евреям, как посол он понимал, что несостоятельность американцев в оказании помощи евреям была обусловлена тем,

что эта поддержка снизила бы уровень жизни в Соединенных Штатах. Он предупреждал: «Факты говорят о том, что народы в Европе испытывают гнет, но в Соединенных Штатах мы также видим довольно печальные свидетельства несправедливости, могущие в дальнейшем создать угрозу демократии, которую все мы надеялись установить и в которую действительно верим, но она не существует еще на деле в национальном масштабе».

Прощальный взгляд

Горячее желание Уильяма Э. Додда сотрудничать с чиновниками немецкого правительства во главе с Гитлером угасло быстро, еще в начале его службы послом Соединенных Штатов в Германии. Не однажды за время пребывания в Берлине он пытался оставить этот пост, чувствуя свою бесполезность из-за очевидной невозможности влиять на нацистский режим и достойным образом представлять свою страну. Ему делалось невыносимо в «третьем рейхе». В конце июля 1937 года он отплывает в Соединенные Штаты, чтобы обсудить с президентом Рузвельтом свое намерение уйти в отставку, встретиться с важными официальными лицами, побывать на заупокойной службе по ушедшим из жизни коллегам по университету, а также посмотреть – какой в этом году урожай в Раунд-Хилл, на его любимой уединенной ферме в Виргинии. Додд оставался в Соединенных Штатах два с половиной

месяца и вернулся в гитлеровскую Германию только тогда, когда уже не мог больше уклоняться от исполнения своих дипломатических обязанностей. В пятницу 29 октября 1937 года Додд записал с горечью в своем дневнике: «Снова в Берлине. Что я могу сделать?». Ему больше ничего не оставалось, как снова погрузиться с головой в работу, которая с 1933 года оторвала его от профессорских занятий в Чикагском университете: «В течение трех дней я был погружен в чтение документов и последних газет, стараясь ознакомиться с обстановкой».

3 ноября Додд сообщает, что хотя он просил об отставке с 1 сентября 1937 года, президент Рузвельт настойчиво просил его задержаться в Берлине вплоть до 1 марта 1938 года. Додд признавался: «Я чувствую, что должен уйти из-за невыносимой напряженной обстановки, сложившейся в нацистской Германии, да и мои преклонные годы дают себя знать. Возникнут также трудности с написанием последующих томов моего „Старого Юга“, если я отложу это на длительный срок». Додд исполнял свои обязанности номинально: принимал других иностранных дипломатов, посещал официальные приемы и званые вечера, встречался с разными высокопоставленными лицами, но все время считал дни, оставшиеся до того момента, когда он сможет покинуть фашистскую Германию. Идеалист и человек чести, Додд, сохраняя верность своей собственной стране, задерживался в Германии, которую он больше был не в силах выносить из-за ее идеоло-

гии. Хотя Додд старался появляться в общественных местах, встречаться с немецкими официальными лицами, делал он это с большой неохотой. Впрочем, на ежегодном балу ассоциации адвокатов он встретил «интересную личность» – народного судью, и чтобы избежать пустых споров, они «говорили о немецкой истории, поскольку на современные темы говорить не так-то легко».

В свою последнюю осень в Германии Додд ясно осознал усиливавшиеся намерения гитлеровского режима повсюду раскинуть фашистскую сеть. Подобная договоренность между фашистскими странами стала бы угрозой для всего мира. Китайский посол доктор Чен, а также швейцарский и чилийский дипломаты поделились с Доддом своей озабоченностью по поводу попыток Германии договориться с Японией, Швейцарией и праворадикальными элементами в Латинской Америке. В Южной Америке нацистская пропаганда была столь навязчивой, что Додд саркастично заметил: «Чилийское правительство предполагает, что через один – два года Чили станет колонией Германии». И хотя еще оставалось более полугода до аншлюса Австрии нацистами и около года до аннексии Судетской области Германией, Додд уже тогда предвидел эту опасность. Ощущая растущее беспокойство, посол предупреждал: «В условиях, когда так лихорадочно сколачивается единый фронт фашизма от Рима до Токио, когда настойчиво предпринимаются шаги с целью вовлечь латиноамериканские страны в союзы с берлинским и

римским диктаторами, и особенно с целью разрушить систему выгодных торговых связей, – в этих условиях, мне кажется, подлинное сотрудничество между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Россией представляет собой единственный путь сохранения всеобщего мира. Несомненно одно: если демократические страны будут и дальше придерживаться своей обычной политики изоляции, тоталитарный строй распространится на всю Европу и Азию. Гитлер и Муссолини спекулируют на страхе народов перед возможностью новой войны и рассчитывают, держа всех в страхе, прибирать к рукам все, что угодно. Боюсь, что они не ошибаются в этой оценке. Если события будут развиваться в том же направлении, экономическое положение Соединенных Штатов и Англии вскоре станет более трудным, чем когда-либо раньше. Хотя вряд ли можно согласиться с тем, что коммунизм лучше, чем фашизм, тем не менее для США, Англии и Франции очень важно объединиться с Россией и попросту заявить: „Довольно!“».

По иронии судьбы за те четыре с половиной года на посту посла США, когда Додд все более уверенно и открыто предупреждал о дьявольской опасности, олицетворенной в Гитлере, его популярность среди чиновников государственного департамента США упала. Несмотря на то, что президент уговорил Додда остаться дольше на своем посту, чем того хотел стареющий профессор, все-таки в конце ноября Рузвельт прислушался к нелестному отзыву о Додде заместите-

ля государственного секретаря Самнера Уэллеса и согласился принять отставку Додда. Это произошло в декабре 1937 года. Додд отреагировал сдержанно: «Недавно я стал замечать признаки противодействия всему, что я предлагаю... с тех пор как прошлой весной Уэллес добился подавляющего влияния в госдепартаменте».

В последние осенние месяцы, когда разворачивалась драма, связанная с отставкой американского посла, у Додда возникли необыкновенно близкие дружеские отношения с Ялмаром Шахтом, немецким министром экономики и президентом Рейхсбанка, получившим образование в Соединенных Штатах. Несмотря на то, что Шахт служил Веймарской республике, в 1930 году он ушел в отставку и даже поддерживал приход Гитлера к власти. Однако в конце 1937 года Шахт попал в опалу у нацистов и даже стал подумывать о тайной эмиграции в Соединенные Штаты. В начале декабря в беседе с Доддом он сообщил, что американский посол, как он полагает, «очень популярен среди немцев, в особенности среди ученых и людей свободных профессий». «Я видел много свидетельств этому, – признавался Додд, – особенно в приглашениях немецких университетов прочитать лекции».

Подобно неудачнику-бюрократу, Додд в последние месяцы своего пребывания в Германии играл все меньшую роль в дипломатических делах. Свою энергию он направил на анализ текущего международного положение как в Европе, так и во всем мире, на оценку возможности предотвраще-

ния войны. Обстановка быстро ухудшалась. Так, 14 декабря он с упреком написал: «Как наша современная цивилизация сползает к средневековью!». Он имел в виду растущую угрозу вооруженного конфликта между Германией и Чехословакией, Китаем и Японией и «беспомощность» Советского Союза. Додд осознавал, что может произойти в случае, если Китай будет оккупирован Японией. О своей встрече с китайским послом он записал следующее: «Наше прощание было грустным: он сказал, что его страна, возможно, будет покорена, а я признал, что современная цивилизация находится, по-видимому, на грани катастрофы».

Нараставшие страхи перед глобальной войной не поколебали верности американского посла своему долгу: он продолжал исполнять официальные обязанности. Так, 19 декабря Додд сделал следующую запись: «Последние несколько дней непрерывных официальных обедов и завтраков были почти невыносимыми для меня». Очень занятый делами в посольстве, Додд отклонял большую часть приглашений, но на нескольких приемах, которые он посетил, отметил отсутствие обычных приветствий «Хайль Гитлер» и нацистских значков. Готовясь прочитать в своей альма-матер, Лейпцигском университете, лекцию о Джордже Вашингтоне (причем по настоянию университета – на английском языке), Додд убедительно попросил, чтобы не было «никаких нацистских демонстраций» – чьего-либо «портрета в гитлеровской форме», нацистских приветствий или флагов, украшающих ка-

федру. Пораженный тем, с каким пониманием была воспринята его речь, Додд записал: «Из всех стран неанглийского языка, в которых я побывал, в Германии больше всего людей, говорящих и понимающих по-английски».

После выступления состоялся обед в его честь, на котором люди «также говорили свободно как со мной, так и друг с другом». Профессура Лейпцигского университета, обнаружил Додд, «в еще меньшей мере удовлетворена своим положением, чем их берлинские коллеги». Сделав все от него зависящее, чтобы вскоре после прибытия в Германию в 1933 году посетить город, где он учился, Додд снова побывал в Лейпциге – на этот раз незадолго перед отъездом, в самом конце своей службы в новой Германии. «Я был рад вновь увидеть старый университет, где впервые критически изучал историю, – вспоминал он. – Старая часть города осталась примерно такой, какой она была в мое время».

Перед Рождеством Додд с супругой посетили французского посла Франсуа-Понсэ и его жену. Во время беседы мадам Франсуа-Понсэ заметила, что «сторонники Гогенцоллернов и вообще консерваторы более беспокойны и ожесточены, чем когда-либо раньше», а ее муж, посол, сказал Додду: «Вы уезжаете в хорошее время. По-моему, следующей весной будет война. Одна из главных причин заключается в тяжелом внутреннем положении Италии, в результате чего Муссолини ради своего спасения прибегнет к войне. Он добивается господства над Средиземноморьем и над всеми фран-

цузскими и испанскими владениями в Северной Африке». По утверждению Франсуа-Понсэ, «чтобы добиться этого, он призовет на помощь Германию и уступит ей Австрию и Чехословакию». Однако «все дунайские страны крайне встревожены и, как никогда раньше, тяготеют к Франции». «Если Италия и Германия развяжут войну за эти области, мы будем вынуждены напасть на них, – объяснял посол, – и Англия нас поддержит».

На горизонте все явственнее вырисовывалась перспектива войны, когда посол Соединенных Штатов Додд и его жена поднимались в Гамбурге, 29 декабря на борт американского парохода «Манхаттан». Оказалось, как Додд и ожидал, что «больше половины пассажиров второго класса – германские подданные, преимущественно евреи, рассчитывающие обосноваться в Соединенных Штатах». «Но за нашим столом в столовой, – уточнил Додд, – сидело несколько нацистов и нацистских приверженцев». На этом корабле, переполненном лишенными гражданских прав евреями и немногими сторонниками Гитлера, Додд отплывал назад в Соединенные Штаты. Он был расстроен и разочарован, что стало обычным в последнее время, и еще не мог предполагать, что из-за политических неприятностей и большого личного горя положение усугубится и его жизнь прервется раньше положенного срока. Ему оставалось жить всего два года. Приехав в Германию с надеждой, что он сможет установить более теплые отношения между Соединенными Штатами и Герма-

нией, Додд покидал ее совершенно измученным человеком, став жертвой опустошающего цинизма, столь характерного для нацистов. Но вопреки всем обстоятельствам, пока хватало сил, он работал и делал все возможное – упорно и энергично.

Марта Додд

(Перевод А. Мосейченко)

Дневник посла Додда 1933–1938

I

8 июня 1933 г. – 11 октября 1933 г.

Четверг, 8 июня 1933 г. В полдень у меня в кабинете в здании Чикагского университета раздался телефонный звонок.

– Говорит Франклин Рузвельт. Не согласились бы вы оказать существенную помощь своему правительству? Я хочу предложить вам пост американского посла в Германии.

Это неожиданное предложение застало меня врасплох, и я ответил Рузвельту, что должен подумать.

– В вашем распоряжении два часа, – сказал Рузвельт. – Сможете ли вы за это время принять решение?

– Пожалуй. Но мне нужно сначала переговорить с руководством университета. А вы тем временем, вероятно, выясните, не будет ли германское правительство возражать против меня из-за моей книги «Вудро Вильсон».

– Я уверен, что нет. Именно эта книга и вся ваша деятельность как человека либеральных взглядов и как ученого заставили меня обратиться к вам. К тому же вы получили образование в немецком университете. Я предлагаю вам труд-

ный пост, который по силам только человеку соответствующего культурного уровня. Я хочу, чтобы немцы видели перед собой пример американского либерала.

В заключение он добавил:

– Я переговорю с германским посольством и выясню их отношение к вашей кандидатуре. Свяжитесь со мной в два часа.

Я позвонил жене и поделился с ней новостью. Затем я заглянул к ректору Хатчинсу, но не застал его. Тогда я пошел к декану Вудворду, который был проректором университета, и он обещал поговорить по телефону с Хатчинсом, находившимся в то время, кажется, где-то поблизости от Лэйк-Джинива (Висконсин).

– Вы должны согласиться, хотя пост вам предлагают нелегкий, – сказал Вудворд. – Университет подыщет кого-нибудь вместо вас на лето и будущую зиму.

Последние его слова объяснялись тем, что по телефону Рузвельт меня предупредил: «Если университет будет настаивать, вы сможете вернуться зимой 1934 года».

После разговора с Вудвордом я поехал домой и за завтраком вместе с женой обсудил предложение Рузвельта. Мы решили, что мне надо попробовать свои силы. В половине третьего я позвонил в Белый дом. Там в это время шло заседание кабинета. Секретарь президента – своего имени он не назвал – передал мой ответ президенту, который тут же известил об этом членов кабинета. Мой друг Дэниэл Роупер

рассказал мне впоследствии, что ни один из них не возражал против моей кандидатуры, а Гарольд Икес из Чикаго и Клод Свэнсон из Виргинии горячо ее поддержали.

Официальное назначение состоялось лишь после того, как германский посол в Вашингтоне доктор Ганс Лютер выяснил отношение ко мне своего правительства. Вопрос был решен положительно, и 12 июня сенат единогласно утвердил мою кандидатуру. Доктор Лютер сообщил в Германию, что я получил докторскую степень в Лейпциге, опубликовал свою книгу о Томасе Джефферсоне на немецком языке и хорошо владею этим языком. 13 июня берлинские газеты поместили краткий реферат моей докторской диссертации «Возврат Джефферсона к политической деятельности в 1796 году».

Начиная с 13 июня меня то и дело осаждали репортеры и фотокорреспонденты. Самые различные и подчас довольно нелепые сообщения и снимки стали появляться во всех газетах. Мне никогда и не снилась такая известность. Все друзья, и особенно мои бывшие студенты, с восторгом приняли мое назначение. Ко мне домой и в адрес университета поступило по меньшей мере пятьсот, а может быть даже семьсот писем и телеграмм.

Пятница, 16 июня. По приглашению президента я приехал в Вашингтон. Он принял меня, сидя за своим огромным письменным столом. В час дня на этом столе для нас был сервирован завтрак.

Разговор сразу же коснулся германского вопроса. Прези-

дент рассказал мне, как заносчиво вел себя доктор Ялмар Шахт в мае, когда он в качестве главы германского Государственного банка угрожал прекратить выплату процентов и основных капиталов американским кредиторам, которым Германия должна была перечислить в августе свыше миллиарда долларов⁴. Рузвельт сказал, что посоветовал государственному секретарю Корделлу Хэллу принять Шахта, но, когда тот войдет в кабинет, сделать вид, будто он поглощен поисками каких-то документов, и минуты три не замечать присутствия немца, а секретарь Хэлла тем временем должен был понаблюдать, какое впечатление это произведет на Шахта. Затем Хэллу надлежало обнаружить записку президента, содержащую резкий протест против попытки немцев уклониться от уплаты по своим долговым обязательствам. Вручая эту записку Шахту и здороваясь с ним, Хэлл получил прекрасную возможность увидеть, как Шахт меняется в лице. Подобная встреча, сказал президент, должна была до известной степени сбить спесь с заносчивого немца, но результат, как сообщил Хэлл, превзошел все ожидания. Эта инсценировка была точным повторением того приема, который Рузвельт оказал Шахту, когда последний нанес ему визит.

Описав метод, с помощью которого он пытался заставить известного банкира быть поговорчивей насчет долгов или хотя бы немного урезонить его, Рузвельт сказал примерно следующее:

– Я знаю, конечно, что наши банкиры получили непомер-

ные прибыли, когда в 1926 году ссудили огромные суммы германским компаниям и муниципалитетам. Им удалось перепродать облигации германского займа тысячам американцев с прибылью от шести до семи процентов. Тем не менее наши граждане вправе ожидать, что немцы оплатят свои долги, и, хотя этот вопрос не относится к компетенции правительства, я прошу вас сделать все возможное, чтобы предотвратить объявление моратория, так как это значительно задержит платежи.

Затем мы принялись обсуждать положение еврейского населения.

– Отношение германских властей к евреям, – сказал Рузвельт, – просто позорное, и американские евреи глубоко возмущены. Но и это находится вне компетенции правительства. Все, что мы можем сделать, – это оградить от преследования евреев, имеющих американское подданство. Их мы обязаны защищать, используя неофициальные и личные связи, а кроме того, мы должны предпринять все возможное, чтобы и остальные евреи не подвергались столь жестоким преследованиям.

Когда я сообщил президенту по телеграфу о своем соглашении, то полагал при этом, что со стороны правительства не должны предъявляться какие-либо претензии по поводу образа жизни, который я смогу вести, не выходя за рамки своего бюджета – 17 500 долларов. Сейчас, когда я коснулся этого вопроса, столь оживленно обсуждавшегося в Чикаго, Ру-

Звельт сказал:

– Вы совершенно правы. Вам не следует тратить на дорогостоящие приемы, вполне достаточно устроить два-три званых обеда или вечера. Постарайтесь оказывать должное внимание американцам, живущим в Берлине, и приглашайте изредка на приемы тех немцев, которые заинтересованы в поддержании хороших отношений с Америкой. Вы, я думаю, уложите в свой бюджет без сколько-нибудь существенного ущерба для вашей служебной деятельности.

После этого разговор коснулся торговли между обеими странами.

– Мы должны договориться с немцами по некоторым вопросам, – заметил президент, – это будет способствовать росту германского экспорта и тем самым поможет немцам выполнить свои долговые обязательства. Однако в настоящее время на экономической конференции в Лондоне слышны голоса только тех, кто выступает за «экономический национализм»⁵. Как вы думаете, что обещает нам такая перспектива?

Я ответил, что, по моему мнению, централизация управления экономикой может в скором времени привести к возникновению у нас новой разновидности феодализма, при которой фермеры постепенно превратятся в простых крестьян и батраков-поденщиков, а неорганизованные рабочие – в пролетариев.

Рузвельт согласился со мной, но при этом добавил:

– Если европейские государства откажутся ввести льготные тарифы, мы заключим соглашения с Канадой и странами Латинской Америки и будем проводить взаимовыгодную торговую политику, которая откроет рынки для нашей избыточной продукции.

Мы поговорили немного о полковнике Эдварде М. Хаузе⁶ и о предложении президента относительно сокращения военного потенциала Франции.

– Если мир хочет избежать войны, необходимо договориться об ограничении вооружений, – сказал президент. – Норман Дэвис⁷ занимается этим вопросом, однако я далеко не уверен, что он добьется успеха. Он телеграфировал мне, что хотел бы принять участие в работе Лондонской экономической конференции, но я ответил: «Возвращайтесь». Скоро Дэвис будет здесь. Мне хотелось бы, чтобы вы успели поговорить с ним до вашего отъезда.

В два часа я распрощался с президентом и отправился в государственный департамент, чтобы ознакомиться с донесениями из Германии со времени установления там гитлеровского режима. А в 8 часов вечера я побывал на обеде у германского посла Лютера, где за отлично сервированным столом собралось человек двадцать гостей; перед этим все они, кроме меня, отдали дань вошедшим в моду коктейлям. Но, хотя прием затянулся до полуночи, разговор как-то не клеился.

Суббота, 17 июня. В государственном департаменте я

встретил профессора Раймонда Моли, который пригласил меня к себе в кабинет. Поговорив с ним около получаса, я убедился, что он совершенно расходится с президентом во взглядах относительно позиции, которую Соединенным Штатам следует занять в вопросе о положении евреев, живущих в Германии. Кроме того, он рассуждал как ярый приверженец «экономического национализма», целиком расходясь с президентом и в этом отношении. А когда мы заговорили о тарифах, я обнаружил, что он не имеет ни малейшего представления о законах Уокера и Пила 1846 г.⁸ и о ситуации в сфере торговых отношений, сложившейся в связи с этими законами. Он откровенно сказал мне, что никогда не занимался изучением данного вопроса, – и это говорил профессор экономики и экономический советник президента! Когда я рассказал об этом своему другу Роуперу, мы оба согласились, что Моли не удастся надолго сохранить доверие Рузвельта.

В тот же день я вместе со своим сыном Уильямом уехал на нашу небольшую ферму, расположенную вблизи Голубого хребта в Виргинии.

Среда, 21 июня. Снова в Чикаго. Преподаватели исторического и других факультетов университета устроили обед в честь моей жены, дочери Марты и меня. На обеде, состоявшемся в Джадсон-Корт – одном из новых общежитий студентов старших курсов, присутствовало около двухсот человек, в том числе Карл Сэндберг, Гарольд Маккормик, мис-

сис Эндрию Маклиш (ее супруг, ныне покойный, субсидировал возглавляемую мной кафедру в Чикаго), ректор Роберт М. Хатчинс и другие. Грустный это был вечер. Мне было тяжело расставаться с коллегами, вместе с которыми я проработал двадцать пять лет. Некоторые из них, как, например, Э. К. Маклафлин и Ч. Э. Мерриэм, были крупнейшими специалистами в своей области. Обменявшись прощальным рукопожатием почти со всеми присутствующими, мы к одиннадцати часам вечера вернулись домой.

Пятница, 23 июня. Американцы немецкого происхождения – демократы, республиканцы и представители прогрессивных групп – устроили большой прием в так называемом Золотом зале отеля «Конгресс». Среди присутствовавших были и супруги Сэндберг. Прием закончился около половины двенадцатого выступлением Чарлза Мерриэма. На следующий день газеты опубликовали выдержки из моей прощальной речи.

Хорошо понимая, как мне не хочется уезжать, Карл Сэндберг прислал через несколько дней стихотворение, посвященное этому печальному событию.

Пятница, 30 июня. Со вторника и до середины дня в пятницу я был занят в государственном департаменте, просматривая донесения из Берлина, поступившие вплоть до 15 июня.

В среду я и мой сын Уильям обедали у Роуперов. После обеда мы с Роупером поехали на вокзал, чтобы проводить

президента Рузвельта, уезжавшего в отпуск.

Начался проливной дождь; мы ехали в личной машине Рузвельта, и, по его приглашению, я сел рядом с ним. Рузвельт посоветовал мне отправиться на пароходе «Вашингтон», который 5 июля отплывает из Нью-Йорка в Гамбург. Он еще раз высказал пожелание, чтобы я поговорил с Норманом Дэвисом, который должен вот-вот вернуться из Женевы, чтобы доложить о ходе конференции по разоружению.

Суббота, 1 июля. Сегодня рано утром мы с женой в спальном вагоне отправились в Роли (Северная Каролина). Я съездил в Фукэй-Спрингз повидаться со своим отцом, которому уже 87-й год. По возвращении в Роли я нанес визит губернатору Эрингхаузу, с которым мне прежде никогда не приходилось встречаться. Ничего не зная ни обо мне, ни о моей работе, он в присутствии репортеров, услышав от меня какое-то замечание о Германии, неожиданно спросил: «Не вы ли профессор Додд?». Эти слова вызвали оживление среди присутствующих, а репортеры сразу же увидели в этом повод для заметки. Вечерние газеты показали, что такой случай вполне может стать материалом для целой статьи.

В середине дня я побывал на нашем семейном кладбище, где могилы хранили память о трагических событиях времен Гражданской войны. Здесь похоронен мой двоюродный дед, убитый в Виргинской кампании 1862 года. Тут же были похоронены два брата моего деда, которые вместе с генералом Ли сдались в плен под Аппоматоксом. В 1909 году

на этом кладбище похоронили мою мать. С глубоким волнением смотрел я на эти могилы, напоминавшие о горестных утратах нашей семьи.

Я навестил моего дядю Луиса Крича, владельца большого поместья на реке Ньюс. Когда-то здесь стоял дом, в котором я появился на свет. Все вокруг будило воспоминания о днях моего детства. Время мало что изменило здесь. На холме, где когда-то стояли дом моего деда и амбар, по-прежнему растет несколько теперь уже почти засохших дубов. А на старом кладбище появились деревья, достигающие чуть ли не фута в поперечнике.

Да, день выдался печальный, хотя близкие старались сделать наше пребывание здесь приятным.

Понедельник, 3 июля. Около девяти часов утра мы прибыли в Нью-Йорк. В десять я поехал на совещание в «Нэшнл сити бэнк», где по просьбе руководителей государственного департамента должен был ознакомиться с финансовыми проблемами, стоящими перед германо-американскими банками в связи с необходимостью выплаты 1,2 миллиарда долларов американским кредиторам, которых наши банкиры втянули в субсидирование немецких компаний⁹. В совещании под председательством вице-директора банка Флойда Блэйра приняло участие около десяти банкиров. Всех встревожило соглашение с директором Рейхсбанка Шахтом о невостребовании долгов, согласно которому платежи по долговым обязательствам будут производиться, правда, в

обесцененных германских марках. Однако это было все же лучше, чем ничего. Американским держателям облигаций представлялась довольно сомнительная перспектива реализовать по 30 центов за доллар принадлежавшие им ценные бумаги. Было высказано много всяких соображений, но договорились мы только об одном, – что мне надлежит всеми мерами препятствовать полному прекращению платежей Германией, так как это нанесло бы ущерб интересам американских финансовых кругов. К тому времени «Нэшнл сити бэнк» и «Чейз нэшнл бэнк» располагали облигациями германского займа на сумму более 100 миллионов долларов! Оба банка готовы были удовлетвориться хотя бы 4 процентами гарантированного дохода вместо первоначально обусловленных 7 процентов.

Вслед за тем мне пришлось принять участие еще в одном совещании, о котором я был уведомлен предварительно. Среди присутствовавших там были судья Джулиан У. Мак, Феликс Уорберг, судья нью-йоркского окружного суда и брат губернатора Лемана – Ирвинг Леман, раввин Стив С. Уайз и Макс Колер, который писал в то время биографию нью-йоркского семейства Зелигманов. Совещание было устроено адвокатом, членом либеральной партии Джорджем Гордоном Бэттлом.

Беседа продолжалась полтора часа, и все об одном и том же: немцы убивают евреев; случаи самоубийства среди евреев, доведенных преследователями до отчаяния, стали уже

обычным явлением (говорили, будто такие случаи были в семье Уорбергов); имущество евреев конфискуется.

Участники совещания просили меня, как либерала и гуманного человека, настоять на вмешательстве со стороны нашего правительства. Я объяснил, что правительство ничего не может здесь сделать официальным путем, но заверил присутствующих, что использую все свое личное влияние, чтобы противодействовать несправедливому обращению с немецкими евреями и буду, конечно, протестовать против дискриминации американских евреев. Мы разошлись в 10 часов, а в 11 я сел в поезд, отправлявшийся в Бостон, чтобы навестить полковника Хауза, который живет в Биверли-Фармс, приблизительно в тридцати милях от «Пупа земли».

Вторник, 4 июля. В Бостоне меня ожидал автомобиль, присланный Хаузом, и через час мы уже сидели с ним за завтраком. Несмотря на свои 75 лет, полковник выглядел очень бодро, ум его не потерял остроты. Целых два часа мы беседовали о моей «трудной миссии». Хауз откровенно сказал мне: «Я предложил президенту две кандидатуры – вашу и Николаса Мэрри Батлера, хотя понимал, что вам должно быть отдано предпочтение. Однако мои отношения с семьей Батлера заставили бы меня усиленно рекомендовать его кандидатуру в том случае, если бы ваша по каким-либо причинам была отклонена».

Я не имел к Хаузу никаких претензий, потому что еще в конце мая, когда меня спросили в Вашингтоне, готов ли я

принять назначение на дипломатический пост, я решительно заявил, что ни в коем случае не поеду в Берлин, так как гитлеризм вызывает во мне отвращение, и, учитывая мой характер, я едва ли вынесу гнетущую германскую атмосферу. Я добавил, что если бы мне был предложен какой-нибудь дипломатический пост за границей, я предпочел бы Голландию, где мог бы спокойно писать свою работу по истории. Эти мои слова были переданы Дэниэлу Роуперу и его ближайшему сотруднику доктору Уолтеру Сплюуну.

Поэтому сообщение Хауза не вызвало у меня недовольства. К тому же у Батлера были особые причины, по которым он стремился получить этот пост, хотя, по моему мнению, он вряд ли оказался бы на месте в любой европейской столице, кроме, пожалуй, Лондона. Он слишком самоуверен и деспотичен, а те огромные денежные траты, которые он позволяет себе, далеко не всегда оправданны. Еще до разговора с Хаузом мне довелось слышать от Роупера о том, что имя Батлера как претендента на этот пост было навязано президенту. Вдобавок полковник Хауз сообщил мне, что от предложенного назначения в Берлин отказался Ньютон Бэйкер. Таким образом, в разговоре с полковником у меня не было необходимости доказывать свои преимущества.

Говоря о работе, которая меня ожидала в Берлине, полковник заметил:

– Вам предложен самый ответственный дипломатический пост в Европе. Мне кажется, что вы лучше, чем кто-либо

другой, сможете разобраться в германском вопросе.

Высказывая такое мнение, полковник Хауз имел в виду мои старые университетские связи и, кажется, считал, что либерал вильсоновского толка встретит в Берлине радушный прием, несмотря на питаемую немцами ненависть к этому президенту времен войны.

– Вам надо бы попытаться облегчить участь евреев, – сказал мне полковник Хауз. – Они не заслужили такого обращения, это просто бесчеловечно. Но не следует допускать, чтобы они вновь заняли господствующее положение в экономической и культурной жизни Берлина, как это было в течение долгого времени.

Мы поговорили о составе кабинета Рузвельта и о Законе о восстановлении промышленности¹⁰. Полковник Хауз прочитал мне ряд интересных писем от выдающихся людей. Потом он вызвал машину, и мы вместе доехали до Бостона, а в полдень я отправился поездом в Нью-Йорк. Я не сомневался, что поступил благоразумно, повидавшись с Хаузом.

К пяти часам я был уже в Нью-Йорке, и мы всей семьей поехали к Чарльзу Р. Крейну¹¹ на Парк-авеню. Его дом был настоящим музеем русского и азиатского искусства – Крейн субсидировал возглавляемую в последние семь или восемь лет Сэмюэлем Харпером кафедру истории России и ее общественных институтов при историческом факультете Чикагского университета. Он пожертвовал также миллион долларов на содержание Института текущей мировой полити-

ки, возглавляемого Уолтером Роджерсом; институт этот занимается изучением политической обстановки во всем мире и представляет доклады на рассмотрение правительства. Несмотря на свои 75 лет и слабое здоровье, Крейн за последние двадцать лет успел побывать чуть ли не во всех странах мира.

Он с жаром говорил о своей работе, все еще с горечью отзывался о русской революции и был чрезвычайно доволен гитлеровским режимом в Германии. По его мнению, евреи заслуживают проклятия, и он надеялся, что их поставят на место. Неудивительно, что он напутствовал меня словами: «Предоставьте Гитлеру действовать по-своему».

Среда, 5 июля. В 9 часов утра ко мне в гостиницу пришел Джордж Сильвестр Вирек, автор книги «Самая странная дружба в истории» (Вильсон и Хауз). Он завел разговор о положении в Германии и о немецких долгах. Вирек не был похож на обычного журналиста, и мне показалось, что с ним не следует быть слишком откровенным.

После Вирека меня навестил германский генеральный консул в Нью-Йорке доктор Отто Кип, красивый пруссак, который хотел поговорить со мной о Германии. После его ухода мы с женой вышли из гостиницы, чтобы купить несколько словарей.

К 11 часам утра мы на такси поехали в порт, где встретили миссис Рузвельт, которая провожала своего сына Франклина-младшего, отплывавшего в Европу на пароходе «Ва-

шингтон». С десяток корреспондентов, которых мне до сих пор удавалось избегать, окружили нас со всех сторон. Я отделялся общими фразами и всячески пытался уклониться от интервью. Затем репортеры попросили разрешения сфотографировать нас на передней палубе, и мы нехотя согласились. Когда на нас навели фотоаппараты, мы все – жена, сын и я – подняли руки, не подозревая о том, как похож этот жест на гитлеровское приветствие, которого мы тогда еще не знали.

Четверг, 6 июля. Прогуливаясь по палубе, я увидел раввина Уайза. А за завтраком мы познакомились с миссис Бреккиридж Лонг, женой нашего посла в Риме. Миссис Лонг происходит из рода Блэйр, известного в Кентукки, Вашингтоне и Сент-Луисе, о чем она не забывает ни на минуту. Норман Дэвис, с которым я имел короткую встречу в Нью-Йорке, заказал для нас роскошное двухкаютное помещение с салоном. По мнению пароходных агентов, эти каюты приличествуют достоинству посла. Но мы предпочли более скромное помещение, в котором, кроме всего прочего, нашлось бы место для наших двоих детей.

Четверг, 13 июля. Вскоре после полудня «Вашингтон» бросил якорь в гамбургском порту. Репортеры из кожи вон лезли, чтобы получить от меня интервью. Энергичнее всех был корреспондент еврейской газеты «Гамбургер израэлитичесхс фамилиенблатт». Мы разрешили судовому фотографу несколько раз сфотографировать нашу семью. Когда мы

сошли с парохода, нас встретили Джордж Гордон, советник американского посольства в Берлине, и американский генеральный консул в Гамбурге. Пробыв в городе некоторое время, мы сели в берлинский поезд, весьма допотопный с виду. Гордон целый час рассказывал мне о положении в Германии и о сотрудниках государственного департамента.

В Берлине нас встретил представитель протокольного отдела вместе с другими официальными представителями правительства и американский генеральный консул Джордж С. Мессерсмит. Мы остановились в гостинице «Эспланада», куда я заранее послал телеграмму: «Забронируйте три спальни и гостиную». Нас поместили в так называемый королевский номер, состоявший из шести роскошных, великолепно обставленных комнат. Номер этот стоил всего лишь 40 марок в день, и жаловаться нам не приходилось. Осмотрев комнаты, мы пошли в ресторан, где немного поболтали по-немецки и отлично пообедали. Итак, можно было сказать, что мы приступили к исполнению своих обязанностей. Немцы, как нам показалось, приняли нас довольно дружелюбно.

Пятница, 14 июля. В 11 часов я приехал в посольство, где выступил перед американскими корреспондентами с кратким сообщением о задачах своей миссии и в самых общих чертах изложил мысль об установлении связей с германскими деятелями культуры старшего поколения. Последовали вопросы, касавшиеся рузвельтовского Закона о восстановлении промышленности, кое-кто намекнул на возможные за-

труднения. Мои ответы носили чисто формальный характер. В конце беседы ко мне подошел Эдгар Маурер. Мы обменялись рукопожатием, и я сказал ему, что с интересом прочел его книгу «Германия отводит назад стрелки истории». Но я воздержался от каких-либо замечаний по поводу того, что его книга запрещена в Германии, в связи с чем германское правительство потребовало его отставки с поста председателя ассоциации иностранных журналистов в Берлине. Ко мне также подошла и представилась корреспондентка газеты «Чикаго трибюн» Зигрид Шульц. Она сказала, что получила письмо от владельца «Чикаго трибюн» полковника Р. Р. Маккормика, в котором тот пишет о Марте.

Затем я встретился и с немецкими корреспондентами, которых собралось около двадцати человек. Я зачитал им краткое заявление на немецком языке, которое на следующий день было опубликовано во всех крупных немецких газетах. Кстати, как раз перед встречей с немецкими корреспондентами мне удалось ознакомиться с тщательно составленным сообщением министра экономики Курта Шмитта¹² о ходе экономического восстановления. Это сообщение показалось мне образцом государственного подхода к вопросу. Поэтому на вопросы корреспондентов я отвечал ссылками на Шмитта и его деятельность, которая, по моему мнению, дает очень хорошее представление и о программе восстановления промышленности в Соединенных Штатах. В ответ на заданный мне корреспондентами вопрос, обратил ли я вни-

мание на сообщение гамбургской газеты «Фамилиенблатт», которая писала, что я прибыл в Германию с намерением облегчить участь евреев, я зачитал краткое опровержение, которое также было дословно напечатано в газетах.

Суббота, 15 июля. Сегодня я был представлен в министерстве иностранных дел и беседовал с министром – бароном Константином фон Нейратом¹³, показавшимся мне весьма приятным человеком. Президент Пауль фон Гинденбург¹⁴ был нездоров и находился в своем поместье вблизи Нейдека в Восточной Пруссии. Как полагают, он должен прибыть в Берлин не ранее 1 сентября.

Церемония представления в министерстве иностранных дел должна была дать мне возможность действовать в качестве официального лица и подписывать отправляемые в Вашингтон документы и донесения. Это меня устраивало даже больше, чем немедленное представление президенту для вручения ему верительных грамот, тем более, что дипломатическая деятельность для меня еще дело новое, а обстановка в Берлине – весьма напряженная.

Меня посетил некий мистер Роу, поверенный банка «Ирвинг траст компани оф Нью-Йорк», который стал чуть ли не требовать, чтобы я воздействовал на Рейхсбанк и добился предотвращения возможной или вероятной дискриминации в погашении займа на 100 миллионов долларов, предоставленного фирмой «Интернэшнл мэтч компани» германским концернам. Немцы предлагали американским кредито-

рам погасить свои долговые обязательства лишь частично, в результате чего последние, возможно, могли рассчитывать на получение не более одной трети ссуженного ими капитала.

– Правительство Соединенных Штатов, – сказал я своему посетителю, – не имеет никакого отношения к этим займам, и мы только неофициально можем подсказать здешним властям, что нарушение заключенных Рейхсбанком соглашений нанесет ущерб экономическому престижу Германии.

Мистер Роу покинул меня совершенно взбешенный, заявив, что сегодня же вылетает в Лондон.

В этот день мы обедали у Гордонов. За столом собралось около двадцати человек. Было очень скучно.

Понедельник, 17 июля. Сегодня мне нанес визит корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс Луис Р. Лохнер. Он сообщил мне, что один из друзей канцлера Адольфа Гитлера просил его приехать вместе со мной на конфиденциальный обед, во время которого я мог бы побеседовать с самим «фюрером», как здесь величают диктатора.

Вторник, 18 июля. Сегодня ко мне пришли с визитом полковник Джейкоб Уэст, капитан Хью Роуэн, капитан Честер Кеплер и коммодор Говард Боуд. Они были одеты в соответствии с правилами этикета – во фраках и цилиндрах.

В пять часов Нейрат и начальник протокольного отдела пришли ко мне с ответным визитом. Мы говорили о безуспешных попытках германского правительства ослабить

существующую в стране безработицу. Нейрат рассказал о неудачных попытках переселения горожан в сельскохозяйственные районы. Он собирался выехать в Баварию, чтобы встретиться с фюрером. В посольстве говорили, что министр иностранных дел будет смещен со своего поста.

Суббота, 22 июля. В 11 часов ко мне зашел германский посол в Соединенных Штатах Ганс Лютер, которого, как полагают, должны скоро отозвать из Вашингтона. Он сообщил мне, что возвращается в Вашингтон, и попросил визы для двух лиц, которые собираются провести в Америке около года. В ходе беседы Лютер подробно рассказал мне о попытках Гитлера добиться восстановления экономики страны. По его мнению, отсутствие свободных земель должно обречь эти попытки на неудачу. Ганс Лютер считал, что всем безработным, которые пожелают эмигрировать (он полагал, что в стране найдется достаточное число таких лиц), всем тем, кто неусидчив и честолюбив, должна быть предоставлена возможность свободного переселения на равнины Восточной Африки или в горные районы Бразилии. Взаимное снижение таможенных тарифов Германией и Соединенными Штатами, сказал он, также содействовало бы успешному восстановлению промышленности. Лютер не проявлял каких-либо воинственных чувств по отношению к Франции и ни словом не обмолвился по поводу Польского коридора.

Мы получили от моих коллег по Чикагскому университету Уильяма А. Нитса и его супруги письмо, в котором они

настоятельно просили навестить их знакомых – миссис Генри Вуд и ее семью, проживающих в Потсдаме. В то время, когда супруги Нитс жили в Балтиморе, миссис Вуд была замужем за известным профессором, работавшим в университете, Джоном Гопкинсом. Выполняя просьбу супругов Нитс, мы выехали сегодня после полудня в Потсдам, чтобы посетить семью миссис Вуд. Мы приехали в начале пятого и остановились около их чудесного особняка. На чай было приглашено человек двадцать. Как в добрые гогенцоллерновские времена, все приглашенные, пока они оставались в гостиной, разговаривали стоя и терпеливо ожидали приглашения в столовую – большую комнату, стены которой были сплошь увешаны гобеленами. Нам подали сэндвичи и еще что-то в том же роде. Разговор велся попеременно на английском и немецком языках. Среди гостей было несколько представителей старинных баронских семей. Хотя беседа была достаточно оживленной, никто из гостей не блистал особым остроумием или ученостью, и, к сожалению, все разговоры велись в явно гитлеровском тоне.

Понедельник, 24 июля. Сэм Макрейнольдс, член палаты представителей от штата Теннесси и член американской делегации на экономической конференции в Лондоне, в сопровождении Джорджа Мессерсмита, Джорджа А. Гордона и других сотрудников посольства отправился сегодня в так называемый Дворец Блюхера – огромное обветшалое здание, купленное государственным департаментом за 1,7 миллио-

на долларов по рекомендации одной из комиссий конгресса, которую возглавлял член палаты представителей Портер. Предполагалось образовать здесь американскую дипломатическую и консульскую резиденцию, подобно тому, как это было сделано в Париже. В прошлом году бывшие владельцы здания предложили расторгнуть купчую при условии выплаты страховой премии, причитавшейся им ввиду того, что здание пострадало от пожара, во время которого обрушилась большая часть кровли. Однако мой предшественник на посту американского посла в Берлине Фредерик М. Секкет-младший при поддержке сенатора Свэнсона отклонил это предложение. Несмотря на то что все сотрудники посольства уговаривали Секетта и Свэнсона согласиться на расторжение купчей и сбересть таким образом правительству огромную сумму денег, последние настояли на завершении сделки.

Поскольку очередная сессия конгресса намеревалась заняться вопросом о Дворце Блюхера, мы с Макрейнольдсом решили осмотреть его. Около часа мы бродили по этому полуразрушенному зданию и пришли к выводу, что правительство поступит разумно, если продаст его хотя бы за 500 тысяч долларов с убытком в 1,2 миллиона долларов. К этому мнению присоединились все сопровождавшие нас сотрудники посольства.

Несколько позже Мессерсмит пригласил меня к себе на совещание, в котором должны были принять участие также

Макрейнольдс и Гордон. Через несколько минут после того, как я зашел к Мессерсмиту, Гордон сообщил по телефону, что не сможет явиться. Ясно было, что он возмущен решением Мессерсмита провести официальное совещание в своем кабинете. По его мнению, я уронил свое достоинство, согласившись принять участие в совещании вне стен посольства. Кажется, Гордон очень усердный, но до мозга костей педантичный кадровый служака.

Среда, 26 июля. Сегодня утром корреспондент агентства Юнайтед Пресс Фредерик Эхснер высказал мне общее возмущение американских корреспондентов по поводу действий нового германского правительства. Вслед за тем меня посетили два представителя «Чейз нэшнл бэнк», чтобы обсудить финансовые отношения с Германией и вопросы, касающиеся погашения ее долгов Соединенным Штатам. Они признавали, что в 1926 году американские финансисты поступили весьма опрометчиво, предоставив Германии миллиардные кредиты под весьма сомнительное обеспечение, надеясь на план Дауэса.

В полдень мне позвонил Эдгар Маурер и пригласил на неофициальный завтрак к себе домой, где я познакомился с молодым фон Мольтке – внуком прославленного генерала и с профессором университета в Бреслау евреем Розенштоком, состоящим теперь на службе в германском министерстве иностранных дел. Оба они проявили незаурядные познания в области истории, и это позволило мне направить

разговор в научное русло и не вдаваться в чрезмерную критику правительства, поскольку мои высказывания могут получить огласку.

Во второй половине дня меня посетил профессор Берлинского университета Отто Хёцш, бывший депутат рейхстага и известный интернационалист. Он рассказал мне о своей поездке в Вильямс-таун в 1928 или 1929 году и о своем посещении президента Гувера в Белом доме. Хёцш сказал, что он более или менее доволен гитлеровским режимом. Я заметил, что почти все немецкие ученые дали себя запугать, но совершенно ясно, что это скорее страх перед безработицей, чем добровольное подчинение силе.

Побывала у меня также одна из тех многочисленных общественных деятельниц, которые на всякое дело способны смотреть лишь с одной стороны. Она разглагольствовала о немецких поселках для безработных, которые устраиваются вокруг крупных промышленных центров, и заявила, что они являются чуть ли не идеальным решением проблемы безработицы.

Пятница, 28 июля. Сегодня ко мне заходил доктор Фриц Габер, которого можно назвать самым выдающимся немецким химиком, и принес рекомендательное письмо от Генри Моргентгау-младшего из Нью-Йорка. Габер рассказал мне самую печальную историю о преследовании евреев, какую мне доводилось слышать. Ему шестьдесят пять лет; он страдает пороком сердца, и его уволили с работы без предоставле-

ния пенсии, на которую он имел право по закону, действовавшему до установления нацистского режима. Габер интересовался, как могут отнестись к заслуженному немецкому ученому в Америке, если он пожелает эмигрировать туда. Я мог только ответить, что по закону он не может рассчитывать на получение визы, так как иммиграционные квоты уже исчерпаны. Я обещал снести с министерством труда и узнать, нет ли возможности предоставить подобным лицам какие-либо льготы. Прощаясь, Габер настоятельно просил меня быть осторожным и сохранить его дело в секрете, так как огласка могла бы навлечь на него большие неприятности. Бедный старик, подумал я, хотя он старше меня всего на год. Он собирается поехать в Испанию, чтобы выяснить, на что можно рассчитывать там.

На мой взгляд, такая жестокость неизбежно наносит вред самому правительству, которое к ней прибегает.

Понедельник, 31 июля. Написал письмо Дэниэлу Роуперу, в котором довольно подробно охарактеризовал некоторых наших дипломатов, упомянул о том, как ложно понимают они свои обязанности, описал обстановку, созданную здесь богатыми людьми на должностях послов, и отметил сильное соперничество, существующее между советниками посольства и генеральными консулами.

Вторник, 1 августа. В 11 часов ко мне зашел Джозеф Э. Риддер, сын Джозефа Э. Риддера-старшего, который во время президентства Вильсона был владельцем и редакто-

ром нью-йоркской газеты «Штаатсцайтунг», издававшейся на немецком языке. Теперь эта газета перешла в собственность Риддера-младшего. Он рассказал о том затруднительном положении, в котором газета оказалась в 1914 году, когда американцы немецкого происхождения требовали от него поддержки политического курса Гогенцоллернов, в то время как симпатии нью-йоркцев все больше и больше склонялись на сторону союзников. В конце концов «Штаатсцайтунг» приняла сторону Вильсона и его правительства. Я спросил Риддера, что он знает о Джордже Сильвестре Виреке и о его связях с германскими пропагандистами. «Германское правительство, – ответил Риддер, – выдало Виреку сто тысяч долларов на расходы по пропаганде. Но, – добавил он, – Вирек мало что сделал для Германии и не оправдал эти расходы». Надо сказать, что Риддеры недолюбливают Вирека. Они стали теперь горячими сторонниками президента Рузвельта.

Вслед за Риддером пришел Уолтер С. Роджерс. Он хотел, чтобы наше посольство зачислило в свой штат одного из сотрудников руководимого им Института текущей мировой политики и предоставило бы ему возможность изучать ту странную и беспокойную обстановку, которая сложилась в Германии, и составить секретный доклад для Роджерса и государственного департамента США. Я еще не вошел в курс дел, чтобы давать какие-либо обещания; к тому же мне кажется, что подобные исследования едва ли могут

выйти за рамки обычных исторических изысканий, так как нельзя рассчитывать на то, что германские власти согласятся открыть своим политическим противникам доступ к архивам или хотя бы разрешат им посещать трудовые или какие-нибудь другие лагеря. Что же касается немецких газет, то они находятся под контролем правительства и в них можно найти лишь косвенные намеки. Я обещал Роджерсу подумать над его предложением и написать ему позднее.

Среда, 2 августа. Я простудился и слег в постель, что не помешало, однако, генеральному консулу прийти с докладом об очередном инциденте. Некий молодой американец из Нью-Йорка, студент одного из немецких университетов, объявивший себя коммунистом, арестован немцами примерно 1 июля и до сих пор содержится в полной изоляции, несмотря на все усилия генерального консула добиться свидания с ним. Приблизительно 24 июля Мессерсмит поручил своему помощнику навестить арестованного и выяснить обстоятельства дела. О случившемся узнали корреспонденты и намереваются предать эту историю широкой огласке в американской прессе.

Несколько позднее ко мне зашли Эдгар Маурер и Г. Р. Никербокер-младший¹⁵, чтобы испросить моего разрешения опубликовать сообщение об аресте американского студента в «Чикаго дейли ньюс» и в «Нью-Йорк пост». Они, однако, умолчали о том, что уже успели передать это сообщение по телеграфу в редакции своих газет, я узнал об этом лишь впо-

следствии. Мессерсмит также не счел нужным сказать мне, что он разрешил им сделать это.

На следующий день арестованный был доставлен в Берлин, где выяснилось, что немцы справедливо обвинили его. Вообще эта личность не внушает доверия. Он был освобожден из-под ареста и спешно в секретном порядке переправлен в Нью-Йорк. Когда стали известны подробности, корреспонденты сразу потеряли интерес к злополучному студенту, и он совершенно исчез со сцены. Надо сказать, что это был весьма характерный случай.

Четверг, 3 августа. Сегодня ко мне зашел Густав Оберлендер, основатель Фонда Оберлендера, который ежегодно субсидирует поездки молодых американских ученых в Германию для изучения жизни страны и ее общественных институтов. Оберлендер сказал, что по совету правления Фонда он решил прекратить начатое им дело, так как правительство жестоко преследует евреев. Но прежде он хотел узнать мое мнение по этому вопросу.

– По-моему, – сказал я ему, – вам не следует останавливаться на полпути. Сейчас очень подходящее время для изучения жизни Германии. К тому же преследования евреев, возможно, прекратятся.

Но сомнения его не рассеялись. Он намерен повидаться с Адольфом Гитлером и тогда уж решить вопрос окончательно. Оберлендер – один из тех богатых евреев, которые во время мировой войны были больше немцами, чем сами нем-

цы, и добровольно поддерживали правительство деньгами. Теперь он был взволнован тем, как в Германии обращаются с его соплеменниками. Лично я считаю, что стоит затратить на начатое им дело небольшую часть тех доходов, которые Оберлендер получает от своих миллионных капиталовложений.

В половине двенадцатого пришел Карл фон Виганд, который вот уже двадцать пять лет работает корреспондентом агентства Херста в Германии, а теперь его деятельность распространяется на всю Европу. Еще до его прихода я получил о нем письмо от полковника Хауза. Виганд произвел на меня самое благоприятное впечатление. Он – близкий друг находящегося в изгнании кайзера, был тесно связан с руководителями Германской республики, а позднее стал поддерживать Гитлера. Он хорошо знаком с Гинденбургом. Виганд рассказал мне, что в апреле 1918 года, когда немцы подошли совсем близко к Парижу, и позднее, когда забастовали 400 тысяч французских рабочих, американское правительство выдало ему визу, и по поручению полковника Хауза он должен был выехать в Швецию, а оттуда – в Германию для выработки предварительных условий сепаратного мира. По его словам, полковник Хауз запросил тогда по телеграфу американское правительство о согласии на его выезд, и правительство прежде чем разрешить ему уехать выжидало, как повернутся события. Вскоре необходимость в миссии Виганда отпала. Клемансо удалось договориться с бастующими и

поднять моральный дух французской армии.

До сих пор мне не приходилось читать об этом ни в одной исторической работе, посвященной мировой войне. Не говорится об этом ни слова и в опубликованном дневнике самого полковника, так что вся эта история кажется мне весьма сомнительной. Тем не менее Виганд произвел на меня впечатление человека достаточно хорошо информированного, чтобы в случае необходимости воспользоваться его советом.

Суббота, 5 августа. Заезжал профессор Йейлского университета Р. Г. Гаррисон. На вид ему можно дать лет семьдесят. Он рассказал, что одна выдающаяся женщина – профессор Берлинского университета, которая во время войны жила в Йейле и находилась под строгим надзором американской полиции, подозревавшей ее в шпионаже в пользу Германии, теперь, как еврейка, уволена с работы и сидит в тюрьме. Гаррисон был очень высокого мнения о ней и хотел узнать, не могу ли я вмешаться в это дело. Поскольку она германская подданная, я был лишен возможности что-либо предпринять. Гаррисон сказал, что через две недели в Оксфорде должна состояться большая конференция ученых, кажется, биологов. Женщина, о которой шла речь, являлась секретарем конференции, и ее дальнейшее пребывание в тюрьме вызвало бы возмущение мировой общественности.

– Можете ли вы, – спросил Гаррисон, – связать меня с кем-нибудь из германских официальных лиц, чтобы я изложил

все обстоятельства дела?

Я посоветовал ему обратиться к генеральному консулу Мессерсмиту. В тот же день Мессерсмит позвонил начальнику германской тайной полиции Рольфу Дильсу и по телефону представил ему Гаррисона.

– Конечно, – сказал Мессерсмит Дильсу, – это не наше дело, но все же я хотел бы обратить ваше внимание на возможные последствия.

– Передайте господину профессору, – ответил Дильс, – что я прошу его завтра отобедать со мной. Посмотрим, может быть нам и удастся что-нибудь сделать.

В половине двенадцатого ко мне зашел весьма любопытный посетитель – профессор Джон Ф. Коур, – по данным биографического справочника, один из выдающихся профессоров немецкой литературы и философии в Канаде, хотя он и родился 72 года назад в Берлине в американской семье. Он уже не преподает и живет на пенсию недалеко от Бостона. Коур хромает на одну ногу, держится с достоинством и производит приятное впечатление.

Профессор выразил желание поговорить со мной с глазу на глаз. Он рассказал, что был личным другом Адольфа Гитлера и пытался отговорить его от организации баварского путча в 1923 году¹⁶. Гитлер до сих пор время от времени приглашает его к себе, и Коур собирается съездить через несколько дней в летнюю резиденцию рейхсканцлера в Баварии. Коур предложил представить мне подробный отчет о

своей беседе с Гитлером при условии, что я дам ему рекомендательное письмо к президенту Рузвельту, которому он хотел бы представить исчерпывающий доклад.

Среда, 9 августа. Вновь заезжал профессор Коур и сообщил, что в пятницу или субботу он увидится с Гитлером. Главный советник нацистской партии Рудольф Гесс обещал ему место в своем самолете. Коур вручил мне короткое письмо, адресованное президенту Рузвельту, которое он просил меня прочесть самому, а затем отправить с дипломатической почтой в Вашингтон. Я обещал исполнить его просьбу, и он ушел, весьма озабоченный внешнеполитическим курсом Германии, но с некоторой надеждой на то, что ему удастся повлиять на канцлера. Я сказал ему, что еврейский вопрос должен быть решен иным путем; что германский экспорт и впредь будет сокращаться, если нацисты не прекратят свои преследования; что воинственное поведение немецких властей неизбежно приведет к международному бойкоту Германии.

– Нацисты, мне кажется, совершенно не отдают себе отчета в тех последствиях, к которым может привести их бесчеловечность, – сказал я в заключение. Коур полностью согласился со мной.

Четверг, 10 августа. Заходил Дэвид Левинсон, еврей из Филадельфии, с типично еврейской внешностью, адвокат, который не раз принимал участие в защите гражданских свобод в Соединенных Штатах. Он получил полномочия на ве-

дение защиты по делу о поджоге рейхстага, слушание которого должно начаться в Лейпциге 21 сентября. Левинсон попросил у меня записку к одному из представителей германских властей с ходатайством предоставить ему право выступать на этом процессе. Я не мог дать Левинсону такую записку, но посоветовал ему обратиться к Луису П. Лохнеру, корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс.

Пятница, 11 августа. Брат бывшего германского правительственного чиновника пришел переговорить по вопросам, связанным с планами Фонда Карнеги¹⁷ относительно учреждения новой кафедры при Берлинском университете и различных мер, которые могли бы содействовать росту международного взаимопонимания. Не скрывая своего беспокойства о собственной безопасности, он говорил об установлении связей с видными немецкими учеными, которые сильно встревожены вмешательством нацистов в университетскую жизнь, и о том, что при первой же возможности немецкие ученые выступят как выразители интересов подавленной ныне немецкой интеллигенции. Тяжело было видеть этого способного молодого ученого в оковах рабства.

В половине двенадцатого приехал Уинтроп У. Олдрич, директор нью-йоркского банка «Чейз нэшнл бэнк». Он выразил свое удовлетворение предложенным немцами финансовым планом, по которому Германия должна продолжать выплату долгов американским держателям облигаций. Нельзя, конечно, сказать, что этот план целиком его удовлетворя-

ет, но все же это лучше, чем ничего¹⁸. «Как нам не повезло с этими займами!» – сказал он мне. Олдрич должен был прямо от меня ехать в резиденцию Гитлера вместе с директором Рейхсбанка Шахтом и министром экономики Шмиттом. Он обещал сообщить мне, какого курса придерживается рейхс-канцлер.

Под вечер меня посетил Мессерсмит вместе с директорами пароходной компании «Юнайтед Стэйтс лайнз». Они рассказали о нелепом, но санкционированном правительством распоряжении германской пароходной компании, по которому ни одно лицо, уезжающее из Германии, не может приобрести проездной билет на какой бы то ни было вид транспорта стоимостью более 200 германских марок, или, иными словами, на какие-либо другие пароходы, кроме германских. Из-за этого все американские и английские пароходные компании сразу же лишились возможности конкурировать с немцами. Я немедленно телеграфировал об этом в Вашингтон. Государственный департамент медлил, ничего не предпринимая, но американские пароходные компании в Нью-Йорке сразу же заявили, что отныне всем американцам рекомендуется избегать услуг германских пароходных линий. Через несколько дней германское правительство с весьма жалкими оправданиями объявило об отмене упомянутого распоряжения. Весь этот инцидент может служить наглядным примером грубых действий нацистов в области международных отношений.

Воскресенье, 13 августа. Сегодня мы на автомобиле поехали по потсдамской дороге на юг к Виттенбергу и Лейпцигу. К 11 часам добрались до церкви, где покоятся останки Лютера. Войти в церковь нам не удалось, так как туристов в нее не пускали, хотя в 1898 или 1899 году, когда я побывал в этом старинном городе, связанном с Реформацией, доступ туда был свободный. Никто не мешал мне тогда присутствовать на службе или даже принимать в ней участие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.